

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
грандирины

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные
Руки – грандпринц**

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – грандпринц / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2013 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-65132-0

И враги, и друзья пытались остановить его на пути к Храму Истины. Снежные демоны вызвали небывалую бурю, а колдуны и волшебники расставили ловушки. Даже ангелы Тьмы и ангелы Света оказались на одной стороне..... но разве что-то может остановить доблестного паладина принца Ричарда, когда он мчится к цели на верном арбогастре и в сопровождении Адского Пса?

ISBN 978-5-699-65132-0

© Орловский Г. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – грандпринц

Часть первая

Глава 1

Обычно с вечера ветер стихает, но эту ночь он осаждал дворец, словно упорный неприятель, старающийся взять измором, мощно и терпеливо сыпал в закрытые ставни мелким колючим снегом, отступал на шаг и снова наваливался с шумом и скрежетом.

Иногда порывы бури почти сотрясают замок, вой доносится не только из каминной трубы, но из всяких щелей, о существовании которых летом и не догадываешься.

Утром в покоях настолько светло, что я невольно поискал взглядом зажженные свечи, еще раз посмотрел на сияющий потолок, не сразу догадался спросонья насчет отсвета от свежавывавшего снега, наверняка засыпало весь двор и перекрыло входы-выходы.

Я зевнул, подгрел к себе поближе теплое тело, оно сладко спит, повернувшись ко мне спиной и согнувшись калачиком, и снова заснул с великим удовольствием и спокойствием лесного зверя, которому в такой снегопад выходить нельзя, а надо спать и хранить накопленный жирок.

Второй раз проснулся, когда со стороны двора через окно донеслись бодрые голоса. Быстро выпрыгнул из постели, наступив на толстую, как полено, лапу Бобика, он даже ухом не повел, а Джоанна сонно зевнула, не открывая глаз, подгрела к себе поплотнее подушку и заснула с нею в обнимку.

Через амбразуру окна видно: по двору уже прочищены дорожки ко всем сараям и амбарам, слуги широкими лопатами грузят снег на подводы и увозят прочь, где сбросят с обрыва.

Я охнул, разом вспомнив вчерашний разговор с Тертуллианом. Тот предупредил о долгом и трудном пути, дескать, если выеду сегодня, то прибуду на место через неделю-две.

Он не знает, что, если по прямой, как ворона летит, хотя по прямой не умеют только бабочки, мне понадобится намного меньше. Как бы далеко ни располагался Храм, но проптеродактилю туда за несколько часов. Ну, пусть даже за сутки-двое, а за выкроенное время могу привести дела в порядок здесь.

Коронование, к чему я всегда относился с иронией, сейчас впервые кажется жизненно важным. Если приму корону кронпринца, моя армия получает статус дружественной, а не оккупационной, а то, что на трон возвращается Леопольд, нас особо не задевает. Я и не воевал против местной власти, просто резиденция ближайшая к нам Мунтвига, как мы слышали, располагалась в Сакранте, но у каждого правителя их несколько в разных землях, как и личных замков. Генгаузгуская была просто последней или самой близкой к нам, но Мунтвига здесь и следов нет, а где он сейчас, не знает даже всевидящий Норберт.

Быстро собравшись, я перебрался в кабинет, за мной тащился и широко зевал Бобик, как же что-то произойдет без него, непорядок, и почти сразу в коридоре послышались шаги, вошел Альбрехт, радостный, даже сияющий, в дорогих вестготских доспехах, с плеч ниспадает ярко-голубой плащ с огромным вздыбленным львом, вышитым золотом.

Бобик посмотрел на него в изумлении, Альбрехт поклонился с порога, а я спросил в том же состоянии, что и Бобик:

– Граф, что случилось?.. Идем на войну?

Он заявил возвышенно:

– Лед тронулся, ваше высочество!

– Вы сами тронулись, – сказал я сварливо. – Зима только началась!.. До ледохода, как мне до отдыха...

Он сказал обидчиво:

– Это же ваше выражение, ваше высочество! Означает, что события начали поворачиваться к нам лицом, а не лягальным задом.

– А у лица какого размера зубы? – спросил я с подозрением. – Рога есть? Клыки?

– Прибыли два отряда, – объяснил он ликующим голосом. – Один из Эстии, другой из Аганда.

– Аганд помню, – сказал я, поймал взгляд Альбрехта, нахмурился. – Что вам, граф? Как-то да, в вечнозеленом... тьфу, вечночерном. Ничего так, своеобразно. На любителя, правда. Есть такие, есть. Что угодно любить будут, только бы не как все... А что в Эстии?

– Это небольшое королевство, – ответил он, – ничем не примечательное, разве что залежи медной руды большие, но добывать ее тяжело. За Эстией лежат Сизия и Меция. Их короли более расторопные, послы уже торчат у нас, выговаривая дружеские условия...

Я отмахнулся.

– Послы – понятно. А что за отряды?

– Сидите спокойно, – сказал он со вкусом, – ваше высочество! Не дергайтесь, а то выбрыкнетесь из кресла... Хоть у вас и ковер, но какой-то потертый. Первый отряд возглавляет принц Ингельдас, что означает «очень стоящий», то есть принц должен быть высок, красив и дороден, а прибыло нечто мелкое и крайне избалованное. Он наследник короля Агилольфа Третьего. Это в королевстве Аганд, если не забыли, но вообще-то вам пора все эти земли уже записывать в отдельную книжечку...

Я отмахнулся.

– Граф, вам весело, хотя я не понял, с какого перепугу. Что пили? Какими грибами закусывали?

– Вторым отрядом командует Бергавулбас, – сказал он тем же бравурным голосом, – это сын короля Антониуса Йоханнеса Геесинка...

– Который гигант, – сказал я, – и никем никогда не бывал побежден в рукопашных схватках?

– И который первым победил островных великанов, – согласился он. – А что он король, хотя для вас это пустяки, вы уже знаете...

Он смотрел так победно, что я спросил невольно:

– Они шли на помощь Мунтвигу или...

– Или, – сказал он ликующе. – Должен отдать королям Геесинку и Агилольфу должное. Оба среагировали на ваш победный марш моментально. Быстро все рассчитав и взвесив, послали эти символические отряды в ваше войско, тем самым заверив вас в поддержке и полной лояльности!

Я пробормотал ошарашенно:

– Еще бы, отдать сыновей в заложники... Потому и доспехи?

Он кивнул.

– Да, полагалось по этикету. Еще и султанчик коню на лоб, это уже необязательно, но я же вежливый... Кстати, первым прислал заложника король Вендоваера, отдав принца Сандорина!

– Да-да, политики...

– Прекрасный ход, – сказал он одобрительно, – тем самым застраховались от того, что ваша армия вторгнется на их земли.

– Я и не планировал, – буркнул я. – Что за дикость?

Он спросил с изумлением:

– Правда? Почему? Что случилось?.. А куда, сразу в Ругенд, Ясти Депр?.. Неужто доспехи снимать? Как надолго?

Я сказал с досадой:

– Граф, не дурите. Там одна мелочь. А приобретения... чисто количественные. Всякие там бедные северные королевства... Наша главная цель – архипелаг островов в необъятном южном океане. Но об этом пока никому, тут шпион на шпионе и шпионом погоняет. Вот вы чей шпион? На кого работаете?

Он хитро улыбнулся, дескать, не признаюсь, хотя я смотрел взглядом младшего помощника инквизитора, который помогает палачу растягивать обвиняемых на дыбе и показывает, как это делать правильно.

– Острова Рейнольдса? – спросил он. – Это те, что император Герман Третий, властелин Солнечной империи, пожаловал вам во владения вместе с титулом эрцгерцога?

– У вас прекрасная память, – похвалил я. – Жаль только, что избирательная.

– Ну, такое забыть, – сказал он с восторгом, – преступление. Судя по тому, что острова были пожалованы вам сразу же после Гандерстейма, они где-то сравнительно недалеко от берега... И еще мы тогда решили, что на островах что-то очень важное, из-за чего император для захвата этих островов вручил вам сперва Гандерстейм, а потом подталкивал в море...

– Вот видите, граф, – сказал я бодро. – Тогда было слишком рано, а сейчас в самый раз.

Он сказал задумчиво:

– Ну а тогда бы вы таскали каштаны из огня для императора, а теперь все присвоите... И все те сокровища, что там в недрах и пещерах.

Судя по его довольному лицу и заблестевшим глазам, насчет островов поверил. Вот и хорошо. Пусть для широкой рыцарской общественности моей главной целью будут острова. В Южном океане, что немаловажно, а то этот север с его зимой уже не только у меня в печенках, многие мечтают вернуться, пусть даже здесь и добыча.

– Послы явно пользуются голубиной почтой, – сказал он знающе. – И отправили сообщения сразу, как только мы захватили город.

– Быстро среагировали и послы, – определил я, – и сами короли... Те и другие правильно и быстро оценили обстановку. Что ж, приятно иметь дело с умными людьми.

– Но с такими надо держаться настороже, – предупредил он. – Не упустят случая урвать кусок.

– Да уж...

Он добавил бодро:

– Только не из ваших львиных лап, ваше высочество!.. Короля встречать поедете?

– А что, он уже близко?

– Гонцы носятся взад-вперед, наши дипломаты согласовывают мелочи северного и южного этикета.

Я кивнул, вильдграф Вильдан Зальм-Грумбах, лорд земель Ирмии и Нирда, развил бурную деятельность, подготавливая церемонию возведения меня в принцы короны и преемники трона. Маркграф Джонатан Берген и барон Герберт Оберштайн помогают ему и в этом, а уж по Гангеру Хельфенштейну, советнику короля Леопольда, можно сказать с уверенностью, что это он все задумал и умело провернул, и теперь его величество король возвращает себе трон лишь его усилиями.

Даже Раймонд Меммингем, когда-то бывший казначеем королевства и лордом-хранителем большой печати, откровенно радуется то ли как патриот королевства, то ли потому, что теперь может вернуться на свое место, а то и занять повыше. От короля в изгнании откололись и отказались многие из его ранее якобы верных и преданных, так что есть свободные места для себя и многочисленной родни.

Правда, Леопольд может и не поверить, что они пошли служить мне только для того, чтобы вернуть его на трон, но королям часто приходится делать вид, что верят, иначе останутся в пустом дворце и даже в пустом королевстве.

Еще со вчерашнего дня герольды читают по городам и весям манифест, возвещающий, что принц Ричард прибыл в королевство Сакрант для борьбы с императором Мунтвигом и поддержки короля Леопольда, который на время военных действий покинул столицу, но теперь возвращается на свой трон и в свой дворец.

В двери заглянул Зигфрид, быстро оглядел кабинет, не спрятался ли кто за портьерой.

– Ваше высочество, завтрак...

– Иду, – сказал я.

В коридоре на треногах на уровне человеческого роста полыхает в чашах огонь. Хорошее решение, одновременно дает тепло и освещает, хотя, наверное, это весьма неэкономично, но короли могут себе это позволить.

Зигфрид распахнул передо мной дверь соседней с кабинетом комнаты.

Небольшая, уютная, хотя не люблю полумрак, я бы зажег эти гигантские толстые свечи в массивных подсвечниках, похожих на колонны. Оба стоят рядом на столе, но места для блюд хватает. В соседнем с королевским креслом уже сидит Аскланделла, полная спеси и надменности, с башней чернящих волос, перевитых багровыми лентами и украшенных рубинами. Сегодня у нее и платье золотистого цвета с множеством драгоценных камешков, и выглядит царственнее, чем обычно, хотя это и казалось невозможным.

У стены с подносом в руках застыл маркграф Джонатан Берген, который лорд земель Изенбурга и Бирштайна, а также и какого-то Хорна. В трех шагах от него Рионелла, поднос держит точно так же, смотрит перед собой, не только страшится шевельнуться, но и будто вовсе не дышит.

Оба они с маркграфом обязаны прислуживать сюзерену за завтраком, это честь, так считается, иначе я бы их уже заменил простыми слугами.

Сам маркграф в том же камзоле, только золотая цепь с другими камнями, в плечах все так же необъятен, массивен, а голова громадная, как пивной котел, и потому широкий поднос в его лапищах выглядит тарелочкой.

Рионелла тонкая, изящная в поясе, а все ниже упрятано в расширяющемся книзу платье, не угадать какого размера... бедра, поднос держит красиво и с гордостью.

Аскланделла чуть-чуть улыбнулась мне, но холодновато и высокомерно, всего лишь этикет, я поклонился, стискивая челюсти, и опустился в кресло. Не знаю, почему лорд должен и даже обязан завтракать с женой или самой знатной дамой, но ладно, терпеть недолго.

– Ваше высочество...

– Принц Ричард, – ответила она.

– Надеюсь, – сказал я любезно, – вас не мучили кошмары?

– Уверена, – произнесла она чистым хрустальным голосом, – ваш сон был тоже мирным. Или мирное – для вас кошмары?

А ведь знает же, подумал я мстительно, кто спал в моей постели, точнее, в чьей спал я, но вслух ответил вежливо:

– Даже очень мирным. Я вообще сплю сном младенца.

– Возможно, – обронила она, – просто не знаете, что ночью задержали еще троих, что пытались пробраться во дворец, пряча под плащами ножи.

– Ого, – сказал я, – они что, хотят моей смерти?

Она посмотрела, как я с удовольствием пожираю мелко нарезанное холодное мясо, покачала головой.

– Нет-нет, ваше высочество, что вы!.. Как вы могли такое подумать? Их желания куда проще...

Я сказал подбадривающе:

– Ну-ну?

– Им важно, – сообщила она, – чтобы вашего высочества не было среди живых.

– А-а, – сказал я с облегчением, – прям гора с плеч, сразу от сердца отлегло. Всего-то...

Попробуйте эту вот птичку. Хорошо прожарена, мягкое мясо. Молоденькая была, еще вчера летала и пела, бедняжка...

– Вы очень любезны, ваше высочество, – произнесла она с холодком. – Как мне кажется, вы стали слишком заметной фигурой...

Она положила нож и ложку на блюдо с остатками мяса бедняжки-птички. Старший распорядитель сделал шаг к Рионелле, шепнул ей только одно слово, и та тут же приблизилась к нашему столу бесшумно, красиво и грациозно поставила перед Аскланделлой широкое блюдо с горячим мясом и жареными яйцами.

Я сказал довольным:

– Ваше высочество, я прекрасно знаю, что красавец и умница, но приличные люди завидуют молча. А эти вот...

Она чуть изогнула губы.

– Вы стали вообще заметным, ваше высочество. Потому у вас противников прибавляется с каждым днем.

– Ну прям с каждым!

– Нет, – уточнила она, – с каждым вашим усилением и каждым шагом к королевскому креслу.

– То-то так не хочу в него всаживаться, – сказал я. – У меня здоровые инстинкты, их вложил в Адама сам Всевышний, слышали о таком? Он назвал их красиво так это и возвышенно душой. Потому мы и тянемся к красивому и возвышенному. Ну, я не о вас, конечно...

Она промолчала, еще не придумав, как реагировать. Распорядитель неслышно шагнул к маркграфу, тоже одно слово ему вполголоса, тот приблизился к столу и поставил блюдо передо мной. То есть самцы прислуживают альфа-самцам, а самки – альфа-самкам, как постоянное напоминание о рангах.

Маркграф поклонился и отступил, я коротко кивнул в ответ, как бы полублагодарность, ибо благодарить по протоколу в таких случаях не положено.

Аскланделла, разделявая ножом мясо, поинтересовалась холодно:

– Вы поедете встречать короля Леопольда?

Я взглянул в ее удивительно светлые глаза, напоминающие лед на вершине гор. Густые черные брови грозно смыкаются над переносицей, пытаюсь бросить тень вниз и окоричневить глаза, но те остаются не просто светлыми, а предельно светлыми.

– А нужно?

Она наклонила голову, не отрывая взгляда от блюда.

– Да.

– Тогда не поеду, – ответил я, – а что, он дорогу сюда не помнит? Здесь и встречу.

– Лучше здесь встречу я, – предложила она. – Вы же мужчина, вам надлежит быть на коне... К тому же у вас такой красивый конь! Какая грива...

Я покосился на ее пышно взбитые волосы, роскошные, перевитые багровыми лентами, символизирующими, на мой взгляд, не чистоту и невинность, а пламя в аду. У моего коня и то, наверное, не такая масса этой прелести.

– Все знают, – заметил я мирно, – что мне делать, как поступать и где быть. И почему только сами не короли?

Аскланделла заметила ровным голосом:

– Когда слишком, это будет ад...

Я время от времени замолкал, сосредотачивался, вид в это время у меня, думаю, глуповатый или вдумчивый, и на блюде Аскланделлы возникали экзотичные лакомства, которые она точно раньше не пробовала и даже не предполагала, что такие существуют.

Молодец, принимает без тени удивления, царственно, ест спокойно, как будто у нее еще в детстве вырезали любые чувства, способные бросить тень на ее безукоризненность.

После кальмаров размером с наперсток, приготовленных в чем-то особо дразнящем, я создал на ее блюде пирожные, легкие и воздушные, одна видимость, закончил совсем уж сладостями, но она взглянула на меня вопросительно, и я, сосредоточившись, сотворил безумно изящную расписную чашку работы китайских мастеров, а в ней лучший кофе со сливками, который только можно предложить женщине.

Она приняла благосклонно, поблагодарив микроскопическим наклоном головы и легким взмахом длинных ресниц с загнутыми кончиками.

Дождавшись, пока допьет, я поднялся, коротко поклонился.

– Благодарю весьма зело, ваше высочество! Было весьма как бы и даже очень! Спасибо!

Она ответила безмятежно:

– Я знала, что вам понравится.

Глава 2

Если взглянуть с лестницы вниз, то кажется, будто кто-то варит цветной борщ, помешивая гигантской поварешкой, настолько все ярко и цветисто. Собрались знатнейшие лорды Сакранта, не говоря уже о том, что отдельно кучкуются мои полководцы в ожидании появления сюзерена.

Впервые за все наше пребывание в этом самом гигантском зале дворца такое столпотворение. Все знатнейшие лорды королевства поспешили явиться, расхаживают с несвойственной торопливостью, заново налаживая связи и укрепляя знакомства.

Я спустился бодро и весело, благосклонно ответил на поклоны сакрантцев, после коронации они как бы и по закону будут моими подданными, поприветствовал своих воинским приветствием в виде вскинутого кулака.

Альбрехт сказал вкрадчиво:

– Ваше высочество, придется расстаться с королевским кабинетом! Сердце не стонет?

Я фыркнул:

– А что в том кабинете особенного?

– Все-таки, – сказал он значительно.

Клемент прорычал:

– Еще одно королевство!

– А сейчас как будто отступаем, – добавил Сулливан.

Я взглянул на Мидля, тот ответил уклончиво:

– Да, но... это больше похоже на подачку с нашего стола.

Я кивнул, повернулся к Альбрехту.

– Вообще-то, граф, у нас была всего лишь короткая карательная экспедиция на север! А вы что, собирались здесь жить?

Он испуганно перекрестился.

– Упаси Господи! С тех пор как побывал с вами по ту сторону Большого Хребта и увидел цветущие земли на берегу южного океана, меня даже в родную Армландию не тянет.

Он запнулся, словно прикусил язык, путь в Сен-Мари нам практически заказан из-за избрания королем Кейдана, а я смолчал, что дело еще хуже, чем он знает. Слабого Кейдана на днях сместил умелый и решительный полководец Вирланд Зальский, а у этого вырвать что-то из рук будет труднее. Недаром только он в своем замке Аманье сохранил независимость от оккупантов.

Барон Герберт Оберштайн отделился от группы сакрантцев, учтиво поклонился.

– Ваше высочество, я не могу выразить словами, как я счастлив!

– В самом деле? – спросил я.

Он воскликнул предельно искренним тоном:

– Я всегда восхищался вами! А теперь вы не враг, достойный уважения и всяческого почтения, а законный наследник нашего трона!

– Еще нет, – ответил я. – Как его величество? Какие новости?

– Его отряд, судя по сообщениям гонцов, успешно продвигается к Генгаузгузу. Дороги занесло, двигаются медленнее, чем ожидалось. Но как только прибудут... мы надеемся приветствовать вас уже не как благородного и учтивого завоевателя, а нашего будущего короля!

– Подождем его величество, – ответил я.

Гонцы прибывали с интервалом в полчаса, но все докладывают, что свита его величества короля Леопольда Кронекера все же продвигается к городу, мужественно и терпеливо преодолевая снежные заносы.

Альбрехт с Климентом и Сулливаном комментировали с иронией, дескать, Леопольд спешит, пока сэр Ричард не передумал, у него ветер в голове, все об этом наслышаны...

Я отправился в крыло для гостей, где для меня уже подобрали покои ничуть не меньше королевских, хотя я вполне мог бы довольствоваться и более скромными, но это недопустимо, ибо зело умаляет мой престиж.

Зигфрид, уже переместившийся туда вместе с охраной, заглянул в комнату, быстро оглядел ее на всякий случай, как будто уже не перерыл все-все и не обнюхал каждый уголок

– Ваше высочество! К вам этот... который алхимик.

– Впусти, – сказал я.

Через порог переступил скромно одетый придворный низшего ранга, так он выглядит теперь, хорошая маскировка, а то эти халаты с хвостатыми звездами и шляпы так и кричат, что нужно хватать и сразу на костер.

Он поклонился и застыл со склоненной головой у порога. Я сказал раздраженно:

– Хреймдар, мы не на приеме!.. Давайте без церемоний.

Он сказал наравоучительно:

– Церемонии возникли не от дурости, ваше высочество, и не от того, что нечем было заняться.

Я отмахнулся.

– Да знаю, ничего зря не возникает. Что-то у вас лицо похоронное.

Он кисло усмехнулся.

– В старину гонцов с плохими вестями вешали.

– Брехня, – сказал я категорично, – кто бы тогда их доставлял?

– А их в запечатанном конверте, – пояснил он.

– Все равно гонцы прочли бы в дороге, – возразил я, – когда дело идет о своей шкуре, не до соблюдения тайн личной переписки. Тем более что гонцы всегда из простого звания, какие уж там соблюдения честности... А что у вас за плохие вести? В городе вроде бы тихо...

Он увидел мое посерьезневшее лицо, медленно кивнул.

– Вы правы. Зеркало Борменгауса.

– Говорите, – велел я, – про мятеж в Сен-Мари уже знаю. До сих пор не могу свыкнуться... Что еще?

Он сказал осторожно:

– По некоторым отрывочным сведениям, ваше высочество, мы предполагаем, только это не полная уверенность, а только предположение, основанное на урывочных данных...

– Все понял, – сказал я нетерпеливо, – я и без зеркала всю жизнь так живу. Что увидели?

– Увидели многое, – ответил он, – но практически все из увиденного обычный мусор...

Но если собрать некоторые данные, то можно предположить, что королева Мезины Ротильда Дрогонская решила разорвать с вами брак. Кроме того, всячески переманивает на королевскую службу ваши войска, расположенные в ее королевстве, обещая военачальникам золотые горы...

Я стиснул челюсти, на миг в глазах стало темно, но перевел дыхание и произнес почти своим голосом:

– Я и ожидал чего-то примерно такого. Она умная, сильная и решительная. Королевством правила и при муже, что знал только охоту да бесконечные пиры... Конечно же, хотя я у нее и был всего лишь консортом, но она понимала, что, пока я там числюсь, ей не видать полной свободы управления.

Он сказал с поклоном:

– Ваше высочество, я счастлив, что вы приняли эту новость достаточно спокойно. Хотя, конечно, потерять такую женщину...

– Что женщину, – сказал я с тоской, – разве я из тех, кто тоскует по женщине?.. Ладно, ладно, из тех, но только чуточку, да и не навечно такое... А вот то, что потеряно королевство Мезина... Что ж, пусть это будет горшей из моих потерь, но не последней каплей горя.

Он пробормотал:

– Чеканные слова... Кто-то из древних?

Я сказал уязвленно:

– А что, я так не могу?

– Можете, – ответил он уклончиво, – но из присущей вам глубоко внутри скромности никогда не говорите. Что ж, тогда еще новость... ваш друг король Барбаросса ввел свои войска в Ламбертинию, это тоже не должно огорчить...

Я подпрыгнул в кресле, опомнился, сжал с силой подлокотники.

– Что? Барбаросса? В Ламбертению?

– Увы, – ответил он осторожно, – однако, как ваш друг, он, наверное, не хотел огорчать вас...

У меня вырвалось яростное:

– Он всегда мечтал захватить Ламбертению!.. Еще с будущим тестем сговаривался вторгнуться с двух сторон, Ламбертению как раз между ними... Для того и женился на дочери короля Джона Большие Сапоги, только я неожиданно помешал, успев вторгнуться туда весьма нечаянно раньше... Как я такое не предусмотрел? Почему поверил... понимал же умом, что дружбы между королями не бывает, а только договора, да и те нарушаются... Что еще?

Он сказал осторожно:

– Нечто неладное в Варт Генце... Мы видели, как лорд Хенгест бросился с обнаженным мечом на Леофрига, за каждым из них уже стояли стеной их люди с оружием в руках... Но времени проверить нет, ваше высочество! Зеркало Борменгауса нельзя вынести из королевской сокровищницы. Разве что выломить вместе с ним всю стену, но король, как я слышал, прибывает сегодня?

Я пробормотал с трудом:

– Спасибо, Хреймдар. Зеркало пока оставь в покое. Оно не наше.

Когда он осторожно удалился, деликатно отказавшись от вина и кофе, я опустил голову на столешницу, подложив кулаки. Свершилось то, чего инстинктивно страшился. И даже не инстинктивно, говорил же себе, слишком много и быстро хапаю. Вот и сработали исторические процессы расплзания...

Центробежные, как принято называть вежливо. И ничего не поделаешь, любая новость идет месяцами, гонцы добираются тоже за несколько недель, почтовая служба была в древности у неких римлян, затем рухнула и она. Люди живут в деревнях и годами не знают, что делается в соседней.

Я бродил по дворцу, не в силах заставить себя что-то делать. Тертуллиану пообещал отправиться немедленно, но сперва коронация, ради нее пока стоит забыть даже о полном провале создания единого экономического пространства...

Разогревшись у камина, выбрал на балкон, поздно заметил стоящую там спиной ко мне Аскланделлу. В теплой шубе с меховым воротником, она не смотрит вдаль, как мне почему-то ожидается, тем более не смотрит во двор, а в задумчивости водит пальцем по заснеженным перилам, вырисовывая причудливые фигурки.

Я хотел отступить, но ощутил по каким-то неуловимым признакам, что она меня учуяла, и попытаться сейчас – как бы признаться в трусости.

Она молча ждала, когда я, загребая снег, нанесенный за ночь на балкон, прошел к ней и остановился рядом. Я молчал, а она задержала палец, вырисовывая некую завитушку, посмотрела искоса.

– Принц?

– Ваше высочество, – сказал я. – Не простудитесь. Мы отвечаем за вас перед вашими родителями. Не хотелось бы, чтобы император объявил нам войну из-за такой ерунды, как вы... простите, я имел в виду простуду.

Она даже не улыбнулась, продолжала всматриваться в мое лицо.

– Вам часто говорят, что плохо скрываете свои мысли?

– Все реже, – ответил я. – В последнее время уж почти никогда.

– Зря, – сказала она. – Или вам просто не хотят говорить неприятные вещи.

Я пробормотал:

– А в чем я прокололся? Просветите невежду.

Она кивком указала на свои каракули на снегу.

– Это знакомо?

Я покачал головой.

– Нет, конечно.

– Но у вас было такое лицо, – сказала она уличающе, – что узнали. Разве не так?

Я поморщился.

– Некоторые похожи на те, которые приходилось изучать в раннем детстве...

– Что это?

– Просто математика, – объяснил я. – вон тот знак похож на интеграл, а это радикал или, как говорят в народе, корень... Это смахивает на факториал, хотя и слишком косой, это бинарности... разумеется, если напрячь воображение. Вы наверняка знаете, в облаках тоже можно увидеть и дворцы, и замки, и снежных великанов... Или у вас было безрадостное детство?

Она кивнула.

– Скорее да, чем нет. Я должна была усвоить слишком много для ребенка.

– Даже ненужные знания, – сказал я ободряюще, – развивают мышление и в какой-то мере мозг. Каким бы хламом ни забивали вашу голову, это все лучше, чем пустая. Развитая память – хорошее подспорье в народном хозяйстве и подъеме валового дохода. Только не спрашивайте, что такое валовый доход, я сам не знаю.

– А зачем говорите?

Я пожал плечами.

– Да кто не говорит так?.. Есть такие слова, их называют общими. Хотя вроде бы все слова общие, но эти особенно общие.

Она не сводила с меня пристального взгляда.

– Сэр Ричард, не уводите в сторону. Известно, это магические формулы, очень сильные, могут перевернуть мир... но никто их не в силах разгадать. Однако вы узнали сразу!

Я сказал с неловкостью:

– Кто сказал, что это магия? Разве что иносказательно. Дескать, магия цифр, магия слов, магия улыбки...

Она сунула руку в широкий карман, я молча ждал, она медленно извлекла небольшой шарик и протянула мне на раскрытой ладони.

– Что это? – спросил я.

– Посмотрите, – предложила она.

Шарик размером с лесной орех, очень легкий, словно под тонкой скорлупой пусто, слегка шероховатый, приятный на ощупь...

– И что?

– Сдавите, – посоветовала она.

Я придавил шарик большим пальцем, он тут же зашевелился. Я осторожно раскрыл ладонь шире, он чуть приподнялся, зависнув в воздухе. Я тихонько толкнул его мизинцем, однако он остался в той же точке пространства.

Надавил сильнее, однако это все равно, что попытался бы сдвинуть гору.

Она смотрела испытующе то на странный камешек, то на меня, я сказал раздраженно:

– Ладно, днем так-сяк, а ночью кто-то наткнется – лоб расшибет.

– Да, – согласилась она, – на ночь его оставлять здесь рискованно.

Я смотрел, как протянула руку ладонью вверх, и шарик послушно опустился, словно бабочка на капельку меда. Когда она сжала пальцы в кулак, между ними внезапно коротко и опасно заблестал мертвенно-синий свет.

Через мгновение, когда свет погас, она разжала кулак. На ладони не осталось даже следа странного камешка.

– И что это было? – спросил я. – Не жалко? Должно быть, дорогой...

– Завтра смогу вызвать его снова, – сообщила она. – А вот что это такое... Думала, вы мне это скажете.

– Я?

– Вы, – ответила она, повернулась ко мне лицом и спросила требовательно: – Кто вы, сэр Ричард?

– Э-э, – сказал я, – в каком смысле? Что я принц, знаете. Зовут меня Ричардом... что еще? Двухногая птица без перьев, как определил великий Платон, а после того как Диоген принес ему ощипанного петуха и сказал его ученикам: «вот человек Платона», тот уточнил: «и с плоскими ногтями». Мыслящий тростник, как считал кто-то еще очень мудрый, но мне больше нравится определение как царя природы и венца творения... Я частенько христианин так себе, если говорить мягко, но в этом наш Создатель сказал, по-моему, правильно...

– Царь природы, – произнесла она с интересом, – император всего на свете...

– Я так не говорил, – запротестовал я. – Я привел в пример философское определение человека высшими мыслителями. Чего вам еще, принцесса?

Она чуть изогнула в улыбке губы.

– Я спросила, кто таков именно сэр Ричард. Почему он так отличается даже от соратников?.. Что за особая магия вам доступна, таинственный сэр Ричард?

– Таинственный? – переспросил я с великим изумлением. – Вот уж нет более открытого для общения человека, чем я!

– Я это заметила, – сообщила она. – А на самом деле?

Я поинтересовался с подчеркнутым безразличием:

– Да кому это интересно?

– Мне, – ответила она просто, улыбнулась, добавила: – Думаю, не только мне, но других сейчас можно не считать. Из какого вы королевства, сэр Ричард?

Я вздохнул, помолчал, сосредотачиваясь, Аскланделла молча ждала каких-то признаний, однако я создал два фужера из тончайшего стекла, стенки не толще, чем у яркого мыльного пузыря, тоже играют и переливаются, наполнил горячим пуншем и один протянул ей.

Она взяла молча, но все равно смотрит требовательно, я понял, что увильнуть не удастся.

– Помню с детства, – проговорил я, – их вроде бы называли Срединными... Срединные королевства. Но где они, сказать не могу, так как мой народ... или это было племя?.. покинули те места давно, долго скитались, за это время я вырос. Потом уже самостоятельно добрался через ряд королевств до Зорра. Там получил золотые шпоры рыцаря, так что Зорр можно считать местом моего рождения.

Она сделала осторожный глоток, прислушалась к ощущениям, на лице ничего не отразилось, но после паузы отхлебнула снова и подняла на меня взгляд ясных глаз.

– Но прибыли, – проговорила медленно, – в Зорр уже... сформировавшимся, если можно так сказать. Золотые шпоры не получают простолюдины. А если получают, то лишь за великие подвиги. Хотя, глядя на вас, верю, что вы могли совершить нечто особое... Это вот прекрасное вино у вас все могут делать?

Я запнулся на краткий миг, но от Аскланделлы ничто не ускользнет, смотрит спокойно, однако видит насквозь.

– Ваше высочество, – произнес я, – а не лучше ли скоротать время у камина? Там так уютно потрескивают березовые дрова... Это вы северянка, а я человек нежный, слабый, привык к теплу.

Она скупно улыбнулась, я провел ее в свой новый кабинет и усадил в кресло у камина, где в самом деле тепло, уютно и защищенно. Аскланделла все так же не выпускает из ладони фужер, я видел, как откровенно любит изяществом, даже не пытаюсь скрыть удовольствие от такой красоты в руках.

Я молча создал блюдо с горкой пирожных, заварных и шоколадных, поставил на каменную полку над очагом.

– Это вам понравится, – сказал я. – Стыдно сказать, но я это вот просто обожаю...

– Стыдно?

– Мужчины не должны любить сладкое, – пояснил я шепотом, – а только мясо с кровью.

А я как раз его на дух не переношу.

Она улыбнулась.

– Хорошо, никому не расскажу.

– Спасибо, ваше высочество.

– Вы можете обращаться ко мне по имени, – напомнила она, – когда мы наедине, разумеется.

– Когда наедине, – пробормотал я, – а можно что-то и еще?

Она взглянула на меня поверх края фужера в упор.

– А вы рискнете?

Я посмотрел в ее ясные глаза, она смотрит вроде бы просто и бесхитростно, но от такой откровенности я лишь уронил взгляд и долго не мог оторвать его от пола, чувствуя, что она все еще внимательно рассматривает меня.

– Смотря что, – пробормотал я наконец. – Но вообще-то, честно говоря, я с вами ни на что не решусь... рискнуть. Вы куда большая загадка, принцесса.

– Со мной все проще, – возразила она. – По крайней мере мою жизнь можно проследить с момента рождения. Известно все о моих родителях, моем окружении, моих воспитателях и наставниках... А вы, сэр Ричард?

– Герцог Готфрид Валленштейн, – ответил я, – признал во мне своего сына. Правда, от простой крестьянки. Так что ношу фамильное имя Валленштейнов, очень древний род, давший королевству Сен-Мари многих великих деятелей. А сам сэр Готфрид в молодости постраниствовал по очень многим местам и дальним королевствам, имена которых вряд ли даже вспомнит... Обязательно попробуйте вот эти хитрые трубочки. Они не только красивые, но внутри изумительный крем...

Она кивнула, взяла пирожное, по-прежнему не сводя с меня взгляда, а я торопливо сделал еще парочку.

– И все-таки, – сказала она, – это не объясняет ни ваши ошеломительные успехи на полях битв, ни ваше странное стремление нарушать все принятые обычаи.

– Не все, – возразил я и добавил с трудом: – Аскланделла.

Она чуть улыбнулась, сделала еще глоток, взяла двумя пальцами заварное пирожное с кремом и осторожно откусила.

– Но слишком многие, – ответила она. – К примеру, вы везде стараетесь появиться без своих лордов. А это вызывает их недовольство.

– Не слишком, – пояснил я. – Мои лорды понимают, у меня очень быстрый конь, а у них просто улитки.

– Где вы такого приобрели?

Я ухмыльнулся.

– Идя по стопам своего отца, герцога Готфрида, я тоже немало постранствовал. Что-то терял, что-то находил. Просто находок оказалось больше, чем потерь.

– Расскажите?

– А поверите?

Она улыбнулась.

– Вам? Поверю.

– Это потому что я такой замечательный?

– Нет, просто вы и так окружены тайнами. И что-то в вас необыкновенное... Нет, не вещи. Необычность внутри вас, сэр Ричард!

Я покачал головой.

– Мои лорды так не считают.

Она презрительно фыркнула.

– А им нужно ломать головы? Вы с ними пируете, первым бросаетесь в бой, щедро раздаете захваченные земли, награждаете титулами... Что им еще надо?

– Хотите сказать, что при неудаче припомнят все мои странности?

Она прямо посмотрела мне в глаза и сказала отчетливо:

– А разве вы сами так не думаете?

– Я постараюсь не потерпеть поражений, – ответил я, вспомнил о потере Сен-Мари, Мезины и Ламбертини, добавил тяжело: – По крайней мере, сокрушительных. Сокрушающих.

Она произнесла тем же ясным голосом:

– А какова настоящая цель, сэр Ричард?

– В смысле?

Она покачала головой.

– Будь вы завоевателем, как вас называют, вы бы не остановились на Сакранте. Дальше просторы Эстии, долины Сизии, гористая Меция, Аганд... а эти королевства, на мой взгляд, слабее Сакранта.

– Знаю, – ответил я. – Неслучайно их послы развили здесь такую бурную деятельность. А короли Агилольф и Геесинк прислали всех воинов, которых смогли наскрести, в мою армию, поставив во главе наследников трона.

– И что вы?

Я посмотрел на нее с интересом.

– Аскланделла... а поймете?

– Попробуйте.

Я сказал чуточку виновато, сообразив, что перехватил:

– Вы слишком... прекрасны. Но говорят же, что...

Она произнесла с некоторой надменностью, перебив меня на полуслове:

– Простите, я знаю, что говорят.

– Хорошо, – сказал я, чувствуя, как медленно нарастает раздражение, не люблю, когда меня переигрывают, – а известно ли вам, принцесса, что Господь творил не Землю, а намного больше – вселенную, отыскав в себе крохотнейший уголок, а в той вселенной в самом дальнем уголке есть... назовем его королевством «Галактика», где опять же в дальнем уголке наша Земля... что вовсе не огромная, а песчинка в просторах космоса... и не плоская, а круглая, как яйцо черепахи...

Она поинтересовалась:

– А что такое черепаха?

Я запнулся, сбившись, что-то я слишком издалека зашел, сказал уже без прежнего жара:

– Возможно, всемирная магия, оставшаяся от древних времен, как-то отличает меня, знающего устройство мира, от остальных, незнающих? И в какой-то мере готова исполнять мои

приказы... несколько охотнее, чем даже занимающихся магией всю жизнь, но людей диких и невежественных?

Она произнесла спокойно и не меняя выражения лица:

– А вы уверены, что мир именно таков... а земля круглая?

– Уверен, – ответил я, – хотя что это меняет? Для меня, как и для всех, солнце встает на востоке, перемещается по небосводу на запад, а затем опускается к краю плоской земли, за который и прячется. А утром на востоке поднимается то ли новое, то ли это старое проволокли за ночь с запада на восток под днищем и используют повторно, пока ресурс позволяет. Так что я не собираюсь кого-то переубеждать и доказывать то, что мне для моей деятельности завоевателя и захватывателя вовсе не нужно.

– Но что-то же вам нужно?

Я пожал плечами.

– Вам это интересно?

Она покачала головой.

– У меня просто любопытство, но есть люди, которые задают тот же вопрос... А их может двигать не только любопытство.

Я настороженно поинтересовался:

– Вы знаете таких людей?

– Знаю, – ответила она. – И это, увы, очень могущественные люди.

Глава 3

Я подобрался, чувствуя холодок опасности, голос ее звучит серьезно, а еще в нем отчетливо слышны предостерегающие нотки.

– И что... они?

– Пока задают вопросы, – ответила она, – и собирают все о вас, что удастся собрать. Но я уже слышала разговоры, что вы – человек крайне скрытный и опасный. Это, сэр Ричард, не те люди, которые подсылали к вам убийц. Эти... гораздо серьезнее.

Двери распахнулись, словно в них ударил падающий с горы валун, ворвался Бобик, в коридоре мелькнуло виноватое лицо Зигфрида: створкой тяжелой двери могло так шарахнуть, что мозги вылетят.

Аскланделла застыла, Бобик взглянул на нее мрачно, покрутился между нами и бухнулся на ковер, с наслаждением вытянув лапы.

– Обчистил кухню, – определил я. – Теперь будет дрыхнуть весь день. Аскланделла, это я скрытный? Да у меня душа нараспашку, сердце на рукаве!

Она наклонилась, почесала Бобика за ухом, он довольно хрюкнул и вытянул шею, предлагая поскрести еще и загривок.

– У вас это показное, – определила она. – Нет-нет, это не мои слова. Так говорят. Вы не простодушный и верный Бобик.

– Это где говорят? – спросил я с подозрением. – У вас в заокеанской... тьфу, загорной империи?

– У нас в империи, – согласилась она. – Но если думаете, что только там, вы наивны...

– Еще как, – подтвердил я. – Все еще доверяю этому порождению крокодилов. Ну что ж, пусть собирают.

Она чуть прищурила глаза.

– Думаете, не насобирают?

– Если и насобирают, – ответил я, – то глазам своим не поверят. Как и ушам.

Она сказала с расстановкой:

– Значит, я не ошиблась, и ваша тайна... просто... просто...

– Неподъемная? – подсказал я.

– Да, – согласилась она. – Очень. И невероятная.

– Пусть так и думают, – сказал я. – Пусть вокруг меня будет ореол загадочности. Так я и сам поверю, что я не самый обычный серенький человек с простейшими интересами и запросами, а нечто заслуживающее уважения... или хотя бы внимания.

Она покачала головой, а я, выказывая внимание, взял из ее руки фужер, тот сразу растворился в воздухе, и дал вместо него другой, с длинной ножкой.

Аскланделла с интересом смотрела, как он наполняется странным вином золотистого цвета, где со дна отрываются блестящие, как живое серебро, пузырьки и вереницами устремляются к поверхности.

– Так... кто же... вы, – произнесла она задумчиво, – сэр Ричард? И почему только вы владеете этой странной магией?

Я поинтересовался:

– Полагаете, вот возьму и скажу?

– Нет, – ответила она, – вот так прямо нет, конечно, не скажете...

– И непрямо тоже, – заверил я. – Принцесса, я не встречал более совершенной женщины, чем вы, честно. Но такое совершенство вгоняет меня в оторопь. Мне бы что-нибудь попроще, а совершенство я предпочитаю в математике... ну, это такое, что совсем не такое, что понятно

женщине. И к вам у меня такое же отношение, как к той же высшей математике, которую уважаю и чту, но... что еще?

– Я знаю, – произнесла она ровным голосом, – что такое математика. И, думаю, смогу с вами потягаться в ее знании. Хотите?

Я усмехнулся.

– Проиграете, принцесса.

– Бойтесь?

– Как хотите, – ответил я. – Каковы условия пари?

– Выиграю я, – произнесла она хрустальным голосом, – вы рассказываете все о себе без утайки. Проиграю, чего явно не случится, раскрываю все тайны я.

– Идет, – сказал я.

– Даете слово?

– Даю, – сказал я. – Слово чести.

Она высокомерно усмехнулась.

– Приступим. Первый вопрос, знакомы вы с... умножением?

– В двадцати вариантах, – ответил я. – Умножение капитала, скорости, в экселе, на ноль, десятичных и простых дробей, корней, мнимых чисел... Вам какое?

Она поморщилась.

– Сколько непонятных слов, чтобы спрятать свое незнание... Просто умножьте, скажем, семьдесят пять на сто восемьдесят!

Я пожал плечами.

– Да ради бога!

Я быстро умножил в столбик для наглядности, она с непониманием смотрела на странную цифру.

– Что... что?

– Результат, – ответил я, – а вы что имели в виду?.. Ах да, простите, как-то не подумал. Как все дикари, вы все еще умножаете с помощью римских букв?..

Она ответила настороженно:

– Разумеется. А вы знаете иной путь?

– Все ленивые люди, – объяснил я, – предпочитают дороги покороче и полегче. Вот смотрите...

Я объяснял, абсолютно не надеясь, что поймет хоть что-то, однако она ухватила не просто быстро, а настораживающе быстро, хотя я чувствовал, что арабские цифры видит впервые.

Еще с полчаса проверяла новый метод, складывая, отнимая и умножая с помощью арабских цифр, затем проделывала то же самое с римскими, к моему изумлению ни разу не ошиблась, наконец отодвинулась от стола и сказала с неохотой:

– Проиграла. А что вы говорили насчет умножения дробей, корней...

– Не берите в голову, – посоветовал я. – Это сложновато даже для меня... временами, а вы слишком красивая. Итак, я готов выслушивать ваши тайны.

Она слегка сдвинула брови.

– Если я расскажу какие-то банальности, вы все равно не сможете обвинить меня, что я что-то укрываю. Как вы сами сказали, красивая женщина не может быть умной.

Бобик всхрипнул, попытался перевернуться на другой бок, но уперся передними лапами в роскошное платье Аскланделлы. Она взглянула с некоторым испугом, то ли за себя, то ли за платье, а он приоткрыл глаз и посмотрел на нее в великом недоумении: а ты здесь откуда?

Она почесала у него под нижней челюстью, похожей на нечто чудовищное, разве что у тираннозавров были такие, он довольно потянулся и снова заснул уже так, кверхулапо.

– Я не говорил, – возразил я, – что красивая женщина должна быть обязательно душой, хотя, конечно, это приятно, когда сразу два достоинства в одном человеке. Просто это устояв-

шееся мнение, которое я с огромным удовольствием, как и все мужчины со здоровыми вкусами, разделяю. Но, как я осторожно полагаю, вы не станете скрывать нечто сенсационное?

– Полагаетесь, – спросила она с интересом, – на мою честность?

– Вы меня оскорбляете, – сказал я с достоинством. – Полагаю, что вы уже на законном основании, как проигравшая, похвастаетесь своей уникальностью.

Она взглянула настороженно.

– Вы... догадались?

– Еще бы, – ответил я, не моргнув и глазом. – Это же очевидно. Разумеется, для тех, кто понимает и бдит.

Она покачала головой.

– Не думаю, что здесь есть кто-то еще... из бдящих. И что вы поняли обо мне?

Я понимающе улыбнулся.

– Аскланделла... Кто проиграл спор: я или вы?

Она кивнула.

– Хорошо. Тем более что вы почти догадались. Хотя не так и не о том, но все же... Да, я и есть империя.

– Вот как, – произнес я, стараясь оставаться тем же благодушным и покровительственным и не выказывать, насколько это меня шарахнуло, даже селезенка как-то болезненно сжалась, а может, это и не селезенка. – Что-то подобное я и подозревал, хотя и не знал, как это оформить в слова... Значит, империя?

Она кивнула, лицо спокойное, но теперь я рассмотрел на нем и налет легкой грусти, дочь императора не может позволить себе выказывать сильные чувства.

– Я сама не знала очень долго, – сказала она, – хотя в детстве чувствовала нечто... а потом эти странные сны о предначертании... но когда маги пришли во дворец и долго общались с моим отцом, а потом с моими наставниками...

– Вы поняли больше, – сказал я.

– Даже больше, чем... больше.

– Мне тоже трудно бывает объяснить свое, – сказал я.

В коридоре послышались шаги, голос Зигфрида, наконец распахнулась дверь, быстро вошли Альбрехт, а за ним осторожно Клемент и Сулливан с Мидлем.

Все четверо малость ошалели, увидев нас в креслах у камина и с фужерами вина в руках, словно ожидали застать драку. Альбрехт тут же зыркнул на блюдо с крошками от пирожных, поклонился и сказал не своим голосом:

– Ваше высочество, мы пришли по важному делу. Но вообще-то можем и в другой раз. Вообще-то да, это разумная мысль...

Клемент сказал поспешно басом, это прозвучало комично, будто слон пытался держаться мышью:

– Да-да, мы лучше попозже...

Я ответил небрежно:

– Ничего, мы тоже как раз обсуждаем с принцессой внутривластные проблемы региона и глобальные последствия социальных сдвигов в сознании простого благородного сословия.

Клемент и Сулливан переглянулись, оба ничего не поняли, но на Аскланделлу посмотрели с уважением и даже опаской. Бобик тоже приоткрыл глаз, посмотрел на них, потом на Аскланделлу.

Она помолчала, мне показалось, что на меня взглянула с неммым укором.

– Да, – проговорила она с неохотой, – именно сдвиги...

– Серьезные, – сказал я. – И весьма неожиданные.

Лорды смотрели то на нее, то на меня.

– Но значительные, – согласилась она.

– Хотя и медленные, – уточнил я.

– Зато осторожные, – добавила она. – Уверена, ваши лорды такого же мнения.

Альбрехт сказал поспешно:

– Конечно же, такого! Попробовали бы не такого! Его высочество бывает тяжеловат на руку в гневе. Вы еще не заметили?

Она посмотрела на меня вроде бы с опаской.

– Еще нет...

– Значит, у вас еще все впереди, – пообещал Альбрехт.

Она сказала вежливо:

– Тогда лучше покину вас, пусть его высочество отдохнет от серьезных разговоров, а то у него глаза какие-то... уже почти как у человека.

Они все склонились в почтительнейших поклонах и замерли, пока она неспешно, дочери императоров и даже королей все обязаны делать неспешно, шествовала к выходу.

Бобик посмотрел вслед, даже сделал движение приподняться и хотя бы проводить, но герцог Мидль уже забежал вперед и распахнул перед нею обе створки, поклонился еще раз, уже спине, и вернулся довольный и сияющий, как же, услужил даме, это так важно, так важно в наше рыцарско-галантерейное время.

Альбрехт повернулся ко мне, лицо серьезное, сказал неприятным тоном:

– Ваше высочество, у нас сложилось впечатление, что мы с этой коронацией что-то слишком торопимся.

– Это не вы торопитесь, – ответил я. – Это я тороплюсь. Садитесь, дорогие друзья, объясню... Да садитесь же, я говорю не из вежливости, а чтобы не попадали и не поломали мне тут мебель, что уже и не моя, а короля Леопольда, оказывается! И откуда он взялся...

Они сели, я хотел было угостить их вином, но решил, что это слишком, только что старлся перед Аскланделлой, но там обошлось пирожными, а эти целого быка сожрут.

Они устроились в креслах, не вальяжно, но и не на самых кончиках сидений, помнят о своем достоинстве и высоких титулах, обратили на меня вопрошающие взоры.

Альбрехт сказал вопросительным тоном:

– Ваше высочество?

Я окинул их монаршим взором, помолчал чуть для значительности того, что будет сказано, заговорил медленно и непререкаемо:

– Я вскоре должен буду покинуть город и даже Сакрант. Такова Божья воля, которую я исполняю паче всего! Сейчас зима, войны не будет до лета... а короля Леопольда теперь можно не опасаться.

Они все четверо застыли, мое сообщение как гром с ясного неба Альбрехт снова нашелся первым, кашлянул, прочищая горло, спросил неприятным голосом:

– Что может быть важнее нашего дела?

– Я Защитник Веры, – напомнил я строго. – Воин Господа, это важнее. Граф, у человека могут быть обязанности и поважнее, чем драться с себе подобными.

Он помолчал, посмотрел на соратников, но никто не проронил ни слова. Пока иду от победы к победе и веду их от добычи к добыче, мои поступки остаются заведомо верными.

Альбрехт чуть наклонился вперед в кресле, взгляд его не оставлял моего лица.

– Ваше высочество...

– Граф?

– Это надолго?

– Не знаю, – ответил я честно. – Но, думаю, никогда в жизни у меня не было такого трудного... такой трудной... в общем, на этот раз мне придется в самом деле нелегко.

– Наша помощь, – поинтересовался он, – понадобится?

Я скользнул взглядом по напряженным и застывшим, словно в легенде о спящем королевстве, лицам.

– Спасибо, но... не хотелось говорить, уж и не знаю почему, но скажу. Мне велено срочно ехать в Храм Истины.

Все задвигались, словно принц поцеловал спящую красавицу, и все проснулись.

Клемент громыхнул в недоумении:

– Но разве это не... легенда?

– Легенда, – поддержал и Мидль. – Красивая легенда. Дескать, где-то есть справедливость, где-то праведность...

– Я поеду в эту легенду, – ответил я. – Потому как только король прибудет, немедленно проведем коронацию, это и в его интересах, и тут же я умчусь.

Сулливан сказал недовольно:

– Не нравится мне это... Король, видя такую спешку, решит, что это нам очень надо. Начнет что-то выторговывать.

Клемент выпятил губы.

– Пошлем его к графу. У нашего Альбрехта сам дьявол ничего не выторгует, а то еще и свой хвост потеряет.

– И рога, – добавил Мидль.

– Нет, рога ему пусть сэр Ричард сбивает. Это ему по рангу. Но все-таки, может быть, с коронацией все же не торопиться?

Я покачал головой.

– Надо. Я получил ясный и недвусмысленный приказ сверху. Не просто сверху, а в самом деле Сверху.

Альбрехт покачал головой и поднял указательный палец, указывая в потолок.

– Оттуда?

Клемент прогудел довольно:

– А откуда еще наш лорд может получать приказы? Только напрямую от Лорда!..

– Даже без посредников? – спросил Мидль с сомнением.

– Только, – ответил Клемент непреклонно, – если подтвердят свои полномочия! Хотя зачем они? Создатель может говорить, как объяснил сэр Ричард, с каждым напрямую. Значит, в Храм Истины...

– Надо успеть, – сказал я настойчиво. – С королем поговорю сам, объясню, что мне надо отбыть, потому если не будет коронации немедленно, то он останется в оккупированной стране! И, скорее всего, снова вынужден будет скрываться.

Альбрехт сказал, морщась:

– Коронация нужна и нам. Армия перестанет считаться захватчиками, если вы станете наследником Леопольда. Думаю, Его величество тоже не склонен оттягивать такое мероприятие. А то вдруг передумаете, вы же получаете указания, как оказалось, свыше, нам не угадать...

Он поднялся, поклонился. За ним встали и остальные. Мидль сказал вежливо:

– Ваше высочество, спасибо, что внесли ясность.

– Мы почти терялись в догадках, – пояснил Альбрехт. – Всяких, разных... ну, вы же понимаете, какие приходят в первую очередь.

– Храм Истины, – проговорил Сулливан задумчиво, – да, понимаю. Надо. Такого, думаю, даже у вас еще не было.

Я проводил их до дверей лишь взглядом, в голове вихрем носятся мысли насчет этого экзотического совмещения человека и народа, как случилось с Аскланделлой, такое существовало, как мне казалось, только в наидревнейшие времена у каких-то там ацтеков или инков.

Там король всегда был красив и здоров, так как от него зависело, каким будет народ и страна, а когда старел и слабел, его убивали и заменяли молодым здоровым красавцем.

Не знаю, как здесь, но у слишком многих народов здоровье и внешность правителя служат как бы вывеской, витриной всей страны. Потому короли почти всегда – могучие здоровяки, что сами водят войска в битву, первыми вступают в бой и последними выходят из сечи...

Однако то, что Аскланделла как-то олицетворяет собой империю Вильгельма Блистательного... это вообще как обухом по голове. Надо узнать подробности. Похоже, здесь не только олицетворение, а что-то более серьезное.

Глава 4

После обеда мы с Аскланделлой, сидя на тронах, принимали всяких просителей, а я все старался понять, как это получилось, что мы вот сидим рядом и решаем их вопросы, пусть даже решаю я, а она помалкивает, но у нее такой вид, что вне этого зала решает она.

Похоже, я по своему обыкновению отнесся слишком легкомысленно к ритуалам. Увидел два кресла с высокими спинками, в одно сел сам, в другое пригласил Аскланделлу, дескать, пусть рядом красивая женщина, в Сен-Мари всегда оттуда одаряла всех улыбкой королева турнира, а эта и поярче любой королевы турнира, да еще и настоящая императорская дочка...

Но я все еще простак, а здесь умеют из малейшего промаха извлекать выгоду и наращивать преимущество: Аскланделла цветет на троне и одаряет всех улыбкой, в самом деле настолько блистательна, красива и величественна, что затмит любую королеву турнира, однако же помимо улыбаемости еще и раздает вполголоса оценки собравшимся, очень точные, что злит еще больше.

Пару раз даже подсказала более верное решение, словно она коренная сакрантка и знает все реалии, а я с Луны упал, и хотя подсказала шепотом, я все равно накалился и ждал конца приема, чтобы взорваться или же ее разорвать на части.

Наконец Альбрехт, ориентируясь по истончившемуся потоку просителей, провозгласил:

– Прием окончен! Его высочество принц Ричард и ее высочество принцесса Аскланделла удаляются на отдых.

Я стиснул челюсти, что он несет, это я удаляюсь, нечего мне пристегивать еще кого-то, это же умаление моего достоинства и, главное, моей власти, плюс неясный намек, что мы с нею будем как-то отдыхать вместе, ага, каждый в зале это понимает не просто по-своему, а как раз все одинаково...

Мы прошли через короткий узкий зал, больше похожий на коридор, я смотрел на приближающуюся дверь апартаментов, которые я занял по праву силы, и считал секунды, когда она закроется за нами, и я дам волю своему гневу.

За мной вдвинулись помимо Аскланделлы мои лорды, я открыл было рот, набирая в грудь воздуха и раздуваясь от гнева, но Аскланделла произнесла чистым ангельским голосом, хотя и с неким брезгливым интересом:

– Неужели ваша трусость, принц Ричард, настолько велика, что и на этот раз откажетесь от королевской короны?

Альбрехт, Клемент и Сулливан довольно закивали, дескать, как точно принцесса выразила их мнение, только они помалкивают, мужчины, это женщину я не ударю...

Я поперхнулся заготовленными словами, засопел, сжал мышцы и кое-как удержал рвущийся наружу гнев.

– Что значит, – поинтересовался я злым голосом, – и на этот раз? На что вы намекиваете... ваше высочество?

– Вам ее уже предлагали, – пояснила она. – Неоднократно. Разве не так?

Сулливан прогудел мощно:

– Даже при мне!

– А при мне раз десять, – сказал Альбрехт и тоже, как и Сулливан с Клементом, посмотрел на Аскланделлу как на предводительницу их небольшого кружка заговорщиков. – Да, было, было...

Я проигнорировал друзей, они только подвывают, инициатор разговора сейчас она, посмотрел на нее уничтожающе, на что Аскланделла ответила прямым и чистым взглядом невинного ангела.

– Ваше высочество, – произнес я настолько скромно, что прозвучало, как предельное высокомерие и чванство, – у меня среди титулов есть нечто повыше!

Она спросила с живейшим интересом:

– Что же это? Неужто император Священной империи?

– Дефендер Веры, – отчеканил я, – а это повыше любых королевских и даже, уж простите, императорских!

Лорды переглянулись, Аскланделла сказала с лицемерным сочувствием:

– Да-да, понимаю.

– В самом деле? – спросил я с недоверием.

Она вздохнула.

– Когда в светской жизни или мирской, как говорят церковники, возвыситься не удастся, многие убогие ищут утешения в служении Господу. Там промахи не так заметны.

Лорды посмотрели на нее с укором, а я, чувствуя, как они уже не столь рьяно поддерживают ее натиск, сделал вид, что глубоко уязвлен ее словами, просто смертельно ранен в самое сердце. Лорды, видя мои страдания, сердито засопели.

– Не удастся? – переспросил я. – Что же мне мешает? Танцевать вроде бы умею. Хотя и плохо. Зато хорошо.

– Обыкновенная трусость, – сказала она безжалостно. – Боязнь отвечать за нечто большее, чем у вас есть.

Я подумал и сказал, глядя ей в глаза:

– Ваше высочество, вы абсолютно правы. Если предельно честно, что вообще-то не в моих правилах, я в самом деле не чувствую себя вполне готовым отвечать за... слишком многое. И так ломаю иногда слишком много всего и всякого.

Лорды смолчали, даже Альбрехт опустил взгляд, Аскланделла вроде бы чуть смутилась, я должен бы спорить и возражать, но вот смиренно согласился, и она явно ощутила, что я ответил искренне.

После долгой паузы она произнесла:

– Зато у вашего высочества хватает мудрости это понять. И не браться решать задачи, которые провалите с треском.

Но в ее голосе все равно прозвучало ехидство, хотя на этот раз попыталась то ли скрыть, то ли смягчить, и я, сразу ошестившись, ответил с нужной долей галантности:

– Потому даже и не пытаюсь понравиться вашему высочеству.

Она промолчала, словно впервые не нашлась, что сказать, потом произнесла медленно:

– И, как кронпринц, вы, естественно, будете желать его Величеству королю Леопольду долгих лет жизни?

Лорды насторожились, я перехватил острый взгляд Альбрехта.

– Вы догадливы, ваше высочество, – сказал я, – для женщины, естественно.

– Это нетрудно, – ответила она безмятежно, – учитывая ваш панический страх перед королевской короной. Вам что, предсказали, что она вас удавит?.. А не кажется вам, Леопольд предложил вам титул кронпринца именно потому же?

Я спросил сумрачно:

– Хотите сказать, мой страх перед королевской короной известен всем?

– Всем и не нужно, – ответила она. – А вот заинтересованным...

Вид у нее был, как всегда, покровительственно-победный. Я поклонился и промолчал. Короли всегда ожидают предательства и удара в спину со стороны наследников, так что моя репутация в этот раз мне поможет.

Она произнесла, обращаясь больше к лордам, чем ко мне:

– Давайте продумаем коронацию принца Ричарда, чтоб она проходила в наших интересах больше, чем в интересах короля Леопольда.

Они поклонились ей, признавая ее правоту и мудрость, а я снова ощутил, что она меня переиграла еще и тем, что сказала очень значимые слова «в наших интересах».

– Садитесь все, – сказал я вынужденно, – хотя, на мой взгляд, это довольно простая церемония, усложнять ее не нужно.

– Но есть церемониал, – сказал герцог Мидль с достоинством, – от которого отступить нельзя...

– Но сократить можно, – возразил я.

Он сказал с сомнением:

– Освященное веками...

– Подлежит модернизации, – заметил я веско. – Иначе погибнет! Это я стою на страже вечных ценностей!.. Их надо переодевать в новые одежды, чтобы они не переставали быть ценностями. Впрочем, мне почему-то кажется, король Леопольд тоже не будет против сокращения некоторых не совсем обязательных формальностей. Еще как не будет!

В коридоре послышался топот бегущих ног, строгий голос Зигфрида, затем дверь распахнулась и вбежал один из сотников Норберта.

– Ваше высочество! – прокричал он с порога. – Только что сообщили, король Леопольд со своей свитой уже в десяти милях от города! Как и было договорено, с небольшим отрядом движется к городу!

– Прекрасно, – ответил я. – Сколько ему еще?

– Через три-пять часов будет у ворот, – сообщил он быстро и уставился в мое лицо преданными глазами. – Какие будут указания?

– Встречайте, – велел я, – как союзника. Я сам выведу навстречу, как и положено... наверное. А сюда прибудем вместе... если ничего не случится.

Он поклонился.

– Все сделаем!

Я повернулся к лордам.

– Не забудьте нацепить на себя все регалии. Здесь королевство еще дикое, внешнему виду придают слишком большое значение.

Они смущенно переглядывались, внешнему виду везде придают значение, это только я вне правил, да и то лишь некоторых.

Аскланделла произнесла ясным голосом:

– Я встречу его величество с моими фрейлинами, а его дочерями, в главном зале. Или даже в холле.

Альбрехт ответил за лордов:

– Мы выедем через час, ваше высочество!

– А то за вами не успеть, – буркнул Сулливан. – Всю рыбу распугаете.

Они выходили один за другим, соблюдая достоинство и строго следя за тем, чтобы какой-нибудь граф не проскочил в дверь раньше герцога, я следил за ними, как мне показалось, с самым непроницаемым лицом, однако все замечающая Аскланделла остановилась, дождалась, когда все уйдут, а когда за последним захлопнулась дверь, спросила тихонько:

– Ваше высочество?

– Принцесса? – ответил я.

– У вас какие-то неприятности, – сказала она, – но вы не решаетесь сказать своим лордам. Я отмахнулся с фальшивым возмущением:

– Что за ерунда!

– Ваше высочество, – произнесла она с укором.

Я вздохнул, взял ее под руку и усадил в кресло. Аскланделла не выражает сочувствия или соболезнования, это было бы оскорбительно в отношении такого героя, понимает, не

совсем дура, хотя все равно дура, на лице внимание и только внимание. Лишь в глубине глаз вроде бы что-то еще, но кто разберет, что у женщины в глазах на самом деле.

– Вообще-то пустячок, – сказал я бодро. – За время моего отсутствия моя жена разорвала со мной брак.

На ее лице ничего не изменилось, даже голос прозвучал абсолютно выверенно и ровно:

– Вы женаты?

– Даже дважды, – сказал я хвастливо. – На королеве Ротильде, есть такое королевство Медина, а также на дочери короля Шателлена, это тоже очень далеко отсюда.

– И какая из ваших жен разорвала брак? – спросила она. – Вообще-то я не думала, что это возможно вот так легко и просто...

– Королева Медины, – ответил я. – Легко ей было потому, что это она женилась на мне... если можно так сказать. Я – принц-консорт, прав у меня было немного, потому могла как вступить в брак, так и разорвать по своей воле.

Она сказала с едва заметной насмешкой:

– Сочувствую вашему горю.

– Я потерял королевство, – отрезал я сердито, – а вам хи-хи? Потому и не знаю, как сказать лордам. Они привыкли, что у меня одни победы!

– Принц-консорт, – повторила она задумчиво. – Это не совсем настоящий брак, я думаю. А вот потеря королевства, да, понимаю. А второй ваш брак?

Я отмахнулся.

– У нас одна жена на двоих. С герцогом Мидлем, вы его видели. Так получилось, эта политика – сложная штука... Герцог Мидль оказался предельно корректным, не захотел оставаться с женой в мое отсутствие, это неблагородно, как он сказал, и тоже отправился в поход, хотя это и не в его натуре.

Она посмотрела на меня с интересом.

– Одна жена на двоих?

Я сказал с неудовольствием:

– Не понимаю, почему это вызывает такой нездоровый интерес! Это одна из норм здорового демократического общества: существование разных видов брака, в том числе и простейшей полиандрии. Хотя, конечно, полигамия интереснее.

Она сказала поспешно:

– Нет-нет, я о другом. В королевстве Бранденшир, насколько можно верить слухам, у королевы Юрги Великой четыре принца-консортов. И церковь не особо против, так как королевство процветает, а церковь кроме десятины получает еще и щедрые подарки

– Видимо, – пробормотал я, – ее мужья... члены Тайного Совета?

Она кивнула.

– Вы очень проницательны, ваше высочество. Именно потому она все еще на троне. А с этой половинной женой у вас... в порядке?

– Да, – ответил я. – По крайней мере, так было, когда отправлялся в поход.

Она подумала, сказала рассудительно:

– Ваше высочество, даже этот половинный ваш брак дает право на трон королевства Шателлен. Потому пусть остается в силе.

Я пробормотал в неловкости:

– Но это не совсем... как бы... этично... Когда смотрю на герцога Мидля, что из-за излишней щепетильности отправился в этот поход, хотя человек он очень не воинственный, а больше домоседный...

Она нахмурилась.

– Вы простолюдин?

– А что, заметно? – спросил я чуть задиристо.

Она покачала головой.

– Как раз у вас та особая простота, которая больше присуща настолько знатным и высококоррожденным, что для них почти нет разницы между землепашцем, рыцарем или герцогом.

– Ого, – сказал я. – Вы таких знаете?

Она покачала головой.

– Таких вообще нет. Я говорю о том впечатлении, которое вы производите. Люди, не очень уверенные в себе, везде и всячески подчеркивают свою знатность, титул, древность рода, выставляют напоказ драгоценности... Это везде и со всеми! Только вы...

– Белая ворона, – сказал я. – Это хорошо.

– Что хорошего, – возразила она. – Белую ворону остальные дружно клюют...

– Но потеряв в цвете, – напомнил я, – ворона обретает что-то взамен! Либо острые когти, либо мощный клюв, либо стальные мускулы или непробиваемые перья...

Она сказала настойчиво:

– Какой бы особой вороной вы ни были, но у правителей другая этика, намного более строгая, чем у простолюдинов! Интересы государства вы должны ставить выше своих мелких...

– Мелких?

– Они всегда мельче, – ответила она твердо. – И если ваш брак с половинной женой велит посещать определенное число дней в год или в месяц постель дочери короля Шателлена, то обязаны это делать в интересах всех жителей королевства!

– И даже под наблюдением? – уточнил я язвительно.

Она ответила предельно серьезно:

– Что делать, у государей больше обязанностей, чем у простолюдинов. Иногда и перед свидетелями они должны доказывать, что выполняют супружеские обязанности. А отчеты уходят в Ватикан папе.

– Вот почему короли завидуют пастухам, – сказал я с досадой.

– Они не завидуют, – заверила она. – А говорить... можно всякое.

– Вряд ли, – буркнул я, – даже половинной жене понравятся наблюдатели.

– Жене может и не понравиться, – согласилась она, – но супруга... супруга мыслит другими категориями. Муж и жена – одно, супруг и супруга – другое. Государи – почти всегда супруги. У них даже детей нет...

– Как это?

– Одни наследники, – пояснила она. – Разной степени.

Я осекся, вдруг показалось, что произнесла эти вроде бы простые слова несколько невесело.

– Принцесса, – сказал я, – простите...

– За что?

– Не знаю, – ответил я. – Вдруг захотелось извиниться перед вами... и сделать вам что-нибудь приятное. Хотите мороженого?

Она взглянула искоса.

– Это то сладкое пирожное, что как снег, только сладкое и... нежнее?

– Да, принцесса.

Она подумала и ответила осторожно:

– Если только это вас совершенно не затруднит. Говоря откровенно, мне вовсе не хочется быть у вас в долгу даже в самой крохотной степени.

– Принцесса, – сказал я обиженно, – это я у вас в долгу!

Она спросила настороженно:

– Каким образом?

– Ну, ваше обаяние...

Она поморщилась.

– Перестаньте, принц. Вы меня терпеть не можете. Да и я, честно говоря, от вас не в восторге, если говорить очень мягко.

– Очень?

– Да, – подтвердила она, – очень. Так что банальности лучше оставим другим...

Я молча придвинул ей широкую хрустальную вазу на высокой ножке, там высится чудесный замок из сливочного мороженого, первый этаж отделан темным шоколадом, расчерченным на крохотные плитки, второй – белым, а еще там высокие башенки, эти поблескивают глазурью из чего-то вкусно пахнущего мармеладом, зубчики вырезаны из орешков, крыши празднично красные...

– Как вы это делаете? – спросила она. – Хотя нет, не нужно. Пусть это будет чудо.

– А это и есть чудо, – ответил я. – Всевышний сотворил мир, и больше никаких чудес, но возможность улучшать его дал людям.

Она сказала с сарказмом:

– Конечно, избранным.

– К счастью, – возразил я с достоинством, – у нас нет избранных вообще...

Она воззрилась в удивлении.

– Принц?

– В отличие от вашего мира, – пояснил я, – быть избранным – это унижение. Это позор для мужчины. Приходят к тебе и говорят, ты избранный, потому что родился от внебрачной связи короля с пастушкой, в тебе кровь короля, потому ты избран на трон. Или еще хуже, ты избран, говорят, потому что твой прадед был великим чародеем, в тебе пробудятся его умения, и хотя ты сам полное ничтожество и годеи только свиней пасти...

Она возразила недовольно:

– Так никогда не говорят!

– Но подразумевают, – сказал я. – Разве не так?.. Нет уж, избранным быть – позор и унижение. Хотя да, дураки этого не понимают. Они сами никогда ничего добиться не могут, потому для них так важна удача, выигрыш, подарок судьбы... потому все мечтают оказаться этими избранными.

Она смотрела с интересом, глаза загадочно поблескивают, как и серебряная ложечка, которую облизывает всякий раз, отправляя в сочный алый рот порцию мороженого.

– Народ должен мечтать, – сообщила она, – и верить в лучшую жизнь, которая наступит вот-вот. Иначе взбунтуется. Вы в народе очень популярны, принц.

– Спасибо, – сказал я польщено.

– Правда-правда, – заверила она. – Даже здесь, в Сакранте.

– С какой стати здесь?

– Я же не сказала, – уточнила она, – что только здесь. Вообще популярны, даже здесь. Все наслышаны, что вы сами вышли из простых рыцарей, ваши полководцы тоже недавно были безбаннерными, вы раздаете несметные богатства своим людям, назначаете их правителями целых королевств...

– Это преувеличение, – пробормотал я, – хотя да, около сотни королевств я раздал... вон Макс даже вроде бы парочку, но он даже не посмотрел на них.

Глава 5

Она продолжала орудовать ложечкой в замке, как умелый завоеватель, что пробил ворота и теперь расширяет проход для вторжения. От холодного мороженого на щеках проступил нежнейший румянец, алые губы покраснели еще больше.

– Вы рассказываете сказки, – произнесла она, не глядя на меня, – но так умело, что я не могу почувствовать лжи...

– А вообще-то можете?

Она снова даже не повела взглядом в мою сторону.

– Как и вы.

– Вы это знаете?

– Ощутила, – ответила она сдержанно. – Но меня этому обучали долго. Как было с вами... не представляю. Может, вы все-таки избранный?

– Когда бьют по голове, – пробормотал я, – учишься быстро. Это вас там только пряниками.

Она сказала негромко:

– Наставники у дочерей императора всегда строже, чем у дочерей королей.

– А у дочерей королей, – сказал я, – строже, чем у дочерей герцогов?.. Так в идеале, ваше высочество, но не в реальности.

– У нас так было и в реальности, – сказала она с достоинством. – Потому во мне ничего не осталось от того существа, каким я появилась на свет.

Она произнесла настолько спокойно и ровно, что даже слишком, чтобы поверило и самое недоверчивое существо, но я вот самое-самое и даже самое семейное.

– Вам повезло, – заметил я, – а то, знаете ли, среди полных идиотов, частичных и просто дураков все еще в ходу их дурацкий лозунг «Принимайте меня таким, какой я есть!».

Она произнесла с недоверием:

– Такое невозможно даже для дураков. Мало кто признается, что полностью неспособен к обучению и воспитанию!

– Ха, – сказал я, – таких не много, а весьма ого! Как только в подурневшем обществе признали, что дураки тоже люди и пользуются всеми правами... да-да, я сам бы в такое не поверил!.. то дураки своей дурости стесняться перестали, чесс слово!.. А умные старались не морщиться, когда приходилось общаться с дураками, чтобы не выглядеть грубыми, как вот я.

– Это у вас такие шуточки? – спросила она с неодобрением. – Я не могу себе представить такое общество.

– Мир велик, – я ощутил, что изрекаю банальность, а тем самым становлюсь похожим на всех ее предыдущих кавалеров, все мы одинаковы. – В нем всему есть место.

– Но люди должны избегать таких мест, – произнесла она холодно. – По крайней мере, достойные люди. Легкие дороги... почему-то не самые лучшие.

Я посмотрел на нее с удивлением.

– Откуда вы это знаете, ваше высочество?.. Вы еще так молоды... Я бы даже сказал, юны...

– У меня были старые наставники, – ответила она ясно, – и мудрые.

– Гм, – произнес я в смущении, ее ответ чем-то похож на мое «старые книги читал», – ваше высочество продолжает меня поражать в самое сердце. Нет, даже в голову. Нет, все-таки в сердце и голову, но пока никуда больше.

Она пробормотала:

– Постараюсь печень оставить в покое.

– Я пытаюсь, – сказал я, – идти по правильной дороге, хотя жизнь постоянно старается столкнуть меня на легкую.

– Всех старается, – ответила она, – а вас как именно?... Женщины, вино, охота, подвиги, завоевания...

Я помотал головой.

– Нет, от этого я сумел найти способы, но тогда мне подбросили на дороге соблазны помощнее.

– Ваше высочество?

– Всякие вещички древних, – пояснил я.

Она посмотрела с интересом.

– И что?

– Я уже поднялся, – объяснил я с достоинством, – или решил, что поднялся, что почти одно и то же, на более высокую ступень, стратегическую. А вещички в виде зачарованных мечей предлагают мне совершать личные подвиги, спасая принцесс из лап драконов или злых колдунов, творить изысканные лакомства и предаваться обжорству и пьянству, а еще и угощать друзей, бахвалясь... Это шаг вниз!

Она смотрела с еще большим интересом.

– И как вы поступили?

Я сказал нехотя:

– Иногда бахвалюсь по мелочи, как вот сейчас, угощая вас пирожными, которых вы даже никогда не видели, но по большей части все спрятал и даже не смотрю в ту сторону. Мне нужно улучшить жизнь моих подданных! А что может сделать для этого меч, которым могу убить тысячу человек? Только полные идиоты мечтают найти такие мечи...

Ее губы дрогнули в улыбке, но показалась она мне чуточку невеселой.

– Ваше высочество, о таких мечях мечтают все мужчины.

– Что делать, – буркнул я, – в мужской семье не без урод. Не без уродов.

Она произнесла задумчиво:

– Это потому, что вы уже правитель. Настоящий.

Я посмотрел на нее искоса, подозревая где-то упрямое острейшее жало.

– Ну спасибо.

– За что? – спросила она.

– Что не вдарили, – пояснил я.

Она улыбнулась чуть живее.

– Да, случай подворачивался не один. Но вы так подставлялись, что с моей стороны было бы нечестно воспользоваться. Пусть у женщин нет рыцарского благородства, но принцессы – не женщины. Другое дело, когда заносились и бахвалились.

Я вскрикнул обиженно:

– Заносился?

– И часто, – ответила она. – Но неужели вам не попадались вещи, что могли бы помочь жить, а не убивать?

Я добросовестно подумал, покачал головой.

– В основном это мечи, топоры... был молот, есть лук, арбалет, кастет, всякие штуки наподобие Небесных Игл и Костяных Решеток... В сокровищнице короля Леопольда отыскалось немало древних штук, магии их уже выгребли и вряд ли вернут... что делать, издержки войны, еще у горных эльфов я нагло спер целый ворох всяких вещичек...

Она пробормотала с холодком:

– Воровать нехорошо, вас этому не учили?

– Меня держали там в плену, – возразил я. – И приставили служить на кухне!

– А, – сказала она с облегчением, – тогда можно. Это не ворованное, а трофеи. И что за штуки?

– Могу показать, – предложил я, дернулся, сообразив, что никому еще не показывал свои сокровища, но поздно, воробей вылетел, добавил нехотя, – если, конечно, вам возжелается тратить время на такую недостойную дочери великого императора ерунду.

– Возжелается, – ответила она ясным голосом и посмотрела мне в глаза. – Сейчас?

– Если вам это будет угодно, – ответил я кисло, – но не сейчас вот сразу. И руками не дам трогать.

Она холодно улыбнулась.

– Вы предусмотрительны, однако недостаточно.

– Ваше высочество?

Она произнесла так же холодно:

– Есть вещи, к которым не обязательно притрагиваться. Достаточно посмотреть и произнести заклятие для этой вещи.

– Завязать вам глаза, – сказал я с сомнением, – и связать руки? Нет, лучше заткнуть кляпом рот. А глаза развязать. В смысле, убрать повязку, но держать перед ними кулак... Ладно, пойдемте. Сто бед – один ответ. Что оттягивать конец...

Она поинтересовалась:

– А связать ноги?

– Обойдетесь, – сказал я мстительно. – Мне и так все вспоминают, как я вас нес на руках!.. Никто не вспомнит, что там грязи было по колено, я спасал не вас, а ваше роскошное платье с подолом в шесть ярдов, но все, гады, помнят, что я вас нес!.. Еще и комментируют, сволочи, подробности придумывают, чего не было!

Она поинтересовалась:

– А что придумывают?

Я бросил на нее взгляд и сказал нехотя:

– Что вы всю дорогу меня жарко целовали, а я отбивался.

Она выпрямилась, глаза грозно сверкнули.

– Бесстыдство!

– Север, – сказал я лицемерно, – что с этих дикарей взять. Сюда, ваше высочество, теперь сюда... Здесь лестница крутая, я могу вас и понести, если только пообещаете не приставать...

Она сердито сверкнула глазами, но даже не среагировала на глупую шуточку.

Еще до выхода на лестницу я услышал говор множества голосов, нечто среднее между жужжанием и монотонным гулом набегających на берег волн, а когда миновали коридор, внизу открылся заполненный благородным людом зал, сегодня здесь народу впятеро больше вчерашнего, как же, грядут перемены...

Придворные торопливо расступаются перед нами еще издали, кланяются, но я всю дорогу слышал за спиной приглушенные, но очень возбужденные голоса, как же, впервые нас видят не на официальном приеме или обеде, а вот так, в частной прогулке.

Аскланделла не повела и бровью. Конечно, она тоже заметила повышенную реакцию, однако не произнесла ни слова. Да и двигаемся без церемоний, она не опирается на мою выставленную наотмашь руку, а я не вышагиваю церемонно, как журавель, гордо и прямо глядящий в будущее.

Еще два зала, а затем лестница, ведущая вниз, в полуподвал, а там небольшой коридор, где у дальней двери бдят двое часовых из числа разведчиков Норберта.

Оба выпрямили спины, я ощутил не только их взгляды, но и нечто большее, какие-то мурашки под кожей, ай да Норберт, снабдил их амулетами да еще и подобрал таких, что умеют ими пользоваться.

– Свои, – сказал я добродушно. – А это принцесса Аскланделла, а не ее двойник, хотя сейчас и я начинаю сомневаться, что это именно она... Еще не вдарила, не укусила, не поцарапала...

Аскланделла лишь высокомерно приподняла нос, а часовые, изо всех сил стараясь держаться ровно и безучастно, отступили от двери.

Я сунул ключ в скважину, здесь дверь настолько толстая, что замок сумели вставить вовнутрь, трижды повернул, прислушиваясь к металлическим щелчкам тяжелого засова.

Дверь от толчка начала медленно отодвигаться. Из вежливости я пропустил вперед Аскланделлу, хотя сердце и екнуло: вдруг узнает что-то знакомое, ухватит и тут же исчезнет, а то и вовсе подаст команду голосом спалить все и разрушить.

Аскланделла вошла неспешно, внутри моментально вспыхнули два факела по обе стороны двери.

Я торопливо шагнул следом, она остановилась в двух шагах от порога, холодная и равнодушная. Под стенами с обеих сторон старинные сундуки, окованные где медными полосами, где бронзовыми, а есть и целиком из металла, пара столов с манускриптами, чернильницами на обоих и пучками перьев, а дальше все утопает в темноте.

Я прошел быстро вперед, взмахом руки зажег факелы, а когда увидел напольные массивные подсвечники с белыми огарками свечей, там по моему жесту вспыхнули трепетные желтые огоньки.

Нехитрый трюк, не требующий усилий, но заклинание для него довольно сложное, я посмотрел многое в книге Уэстефорда, однако только некоторые начинают удаваться по мере моего вставания в этот мир и возмуживания в нем.

Это не комната, а длинный вытянутый зал с низким потолком, что характерно для подвалов, три ряда толстых колонн поддерживают свод, а между ними в беспорядке или кажущемся беспорядке все сокровища Леопольда и его предшественников: сундуки, скрины, шкатулки, ларцы, статуи и прочее-прочее...

Больше всего, на мой взгляд, черепов, почти все похожие от древности на вылепленные из глины и засохшие на солнце, некоторые целые, но у большинства недостает либо нижней челюсти, либо височной кости, хотя некоторые сохранили даже все зубы. У двух на месте жевательных такие же резцы, а клыки далеко не рудиментарные, словно их хозяева глотали куски мяса целиком...

На втором месте по количеству экземпляров толстые фолианты и манускрипты, от простых, что всего лишь с деревянным переплетом, обтянутым кожей, и до огромных и массивных, где обе металлические обложки запираются на сложные замки. Багровый свет факелов бросает двигающиеся блики на потемневший металл, я узнал только медь и бронзу, но остальные книги выглядят еще внушительнее...

Я вернулся к Аскланделле. Она стоит неподвижно, щадит мою трусость на ее счет, сказал с облегчением:

– Это сокровищница Леопольда.

Она произнесла со значением:

– Настоящая?

– Не настоящая, – ответил я, – а в самом деле настоящая. Та, что с золотом и драгоценностями, уже как бы законно и с песнями реквизирована на скромные нужды победителей, ибо война обязана кормить себя.

– А народ, – добавила она понимающе, – который не смог прокормить свою армию, сейчас кормит вашу?

Я сказал с достоинством:

– И сквозь зубы радуется, что ему еще повезло! Шкуру пока не сняли, хотя присматриваемся. А что, где-то иначе?

Она оставалась неподвижной, пока я не отыскал и не придвинул ей кресло.

– Ваше высочество, – сказал я с раскаянием, – прошу сесть. Простите за неуместные шуточки насчет... ну, вы знаете. Вон то все, что накопил Леопольд и его предки... оставшееся после частичной экспроприации, а эта горстка на моем столе – то, что я нагло спер у горных эльфов.

– На вашем столе?

Я пояснил вежливо:

– Будучи человеком высокой культуры, я полагаю все созданное людьми общим достоянием, следовательно, и моим тоже. А так как Господь вручил мне власти больше, то имею и божественное право захватить больше без стыда и совести, ибо это эволюционно и повышает конкурентоспособность и выживаемость всего вида.

Она посматривала со снисходительной усмешкой, словно в самом деле понимает, когда я сам не разумею, что несу, хотя кто знает, у женщин спинной мозг зачастую оказывается куда мудрее, чем головной.

– Однако, – сказал я со значением, – я бескорыстен и благороден по самое немогу! Выбрал только то, что меня интересует, остальное оставляю королю и народу. Это вот, что от эльфов, я сейчас в свой мешочек тоже...

Она произнесла нейтрально:

– Немного же вы ему оставили.

– Как это немного? – переспросил я в великой обиде. – Все остальное!

– Все остальное, – заметила она, – просто хлам.

– Зато как смотрится, – воскликнул я. – Пусть и руины, но какие!.. Освященные временем, потому, надо думать, очень дорогие. Полагаете, народ понимает что руины – всегда руины? Нет, он уверен, что руины дворца короля, жившего тысячу лет назад, в тысячу раз дороже тех, что я оставил за собой в Эбберте! Древность освящает любое... любую вещь.

Она нахмурилась, но теперь уже повела взглядом по залу, ухитряясь даже не двигать головой.

– Многое мне знакомо.

Я изумился:

– Вы здесь бывали?

– Все сокровищницы одинаковы, – произнесла она свысока. – У отца тоже много подобных вещей из древних времен. Такие же книги, черепа, мечи, щиты, кинжалы, в которых его маги тщетно пытаются отыскать нечто волшебное.

– И что, не встречаются?

– Попадается, – ответила она почти равнодушно, – но это крупницы из груды мусора. Правда, никто не знает, мусор это или же просто вещи, к которым еще не подобрали заклятие?

– На методе проб и ошибок, – пробормотал я, – далеко не уедешь.

– А как иначе? – возразила она. – Слишком велик разрыв в знаниях.

Я посмотрел на нее с уважением.

– Вы это... усекаете? Вы правы, ваше высочество. Но тут фуксом и на удаче не пройти и даже не проехать. Хотя пролететь можно... Разрыв нужно заполнять шаг за шагом.

Она посмотрела на меня с сомнением, в котором я усмотрел и некоторое презрение к существу в штанах и с мечом в руке: как же, берется умничать, поверило, что царь природы и венец творения.

– Как заполнять?

– Шаг за шагом, – повторил я. – Даже шажок за шажком. Но уже без отступлений! А маги начинают всякий раз заново. Все, что маг сумеет наработать, теряется с его смертью. Мне все это знакомо, у нас было свое подобие магов, их называли йогами. Тоже, чего бы ни добились, умирало с ними... А вот алхимия... она нарабатывает знания! И каждое поколение учеников

начинает не сначала, как нынешние маги, а с того момента, до которого добралось предыдущее поколение ученых-алхимиков.

Она задумалась, я с удивлением чувствовал, что в самом деле понимает разницу. И хотя я называл ее красивой, что значит дурой, даже сказал, что очень красивая, а это значит – полнейшая дура, но у нее другая красота, высокая, я бы сказал. Не возвышенная, это другое, пресное и неинтересное, а высокая, что ну никак не позволяет воскликнуть с восхищением превосходства «прелесть, что за дурочка!».

На столе, мимо которого проходим, одна из вещиц, размером и даже формой с большой палец, развернулась, как стрелка компаса, и указала на меня.

Я сделал шаг в сторону, она сдвинулась, продолжая упорно указывать на меня, а когда сделал еще шаг, тут же переменила положение, будто еще и кричит в не слышимом для меня диапазоне: вот он, вор, насильник и святотатец!

Аскланделла спросила шепотом:

– Только сейчас?.. А в прошлые разы?

Я ответил тоже тихохонько:

– Я тут вообще почти в первый раз.

– Почему?

– Своим алхимикам доверяю, а они уже взяли отсюда все, что их заинтересовало. Кроме моих личных вещей.

Она наблюдала, как я походил взад-вперед вдоль стола, провоцируя вещицу, наконец осторожно взял ее на ладонь. Тепла нет, вес обычный для сухой деревяшки, поверхность выглажена так, словно еще и покрыта лаком, но никакого лака.

Аскланделла посмотрела на меня с интересом.

– Вы точно таких не видели?

– Точно, – ответил я.

– Говорят, – произнесла она задумчиво, – древние вещи узнают людей своих эпох и подчиняются только им.

Я возразил:

– А как же колдуны?

Она пояснила нехотя:

– Колдуны находят к таким вещам не ключи, а отмычки. Таким древние вещи служат тоже, но служат плохо и быстро выходят из строя. Да и то отмычки удается подобрать к самым простым. Из подземелий достали немало удивительных вещиц, что принадлежали наверняка самым знатным людям. Пока еще никто не заставил их работать. Видимо, там недостает такого, как вы, ваше высочество.

Я сделал вид, что намек не понял, или это не было намеком, напыжился и сказал гордо:

– Вы же видите, ваше высочество, я уникален! А какой красавец?

Она ответила с холодком:

– Что красавец, это верно.

– Кстати о птичках, – сказал я и посмотрел ей глаза. – А где империя вашего отца?

Глава 6

Ее лицо чуть дрогнуло, но взгляд не отвела, глаза стали строже, на меня посмотрела с некоторым сомнением. Я почти залюбовался, но когда она заговорила, в ее голосе ощутился непонятный холод:

– Вы так часто пытались об этом спросить... Но решились только сейчас?

– Это естественный интерес, – ответил я. – Просто я человек любознательный. Вы же знаете, наша миссия по защите своих земель завершена успешно, уже начинаем возвращаться в родные королевства. Или не родные, но туда, где жить интереснее.

Она обвела взглядом зал.

– Вы все здесь показали?

– Остальное вам знакомо, – ответил я. – Впрочем, вам все знакомо, что вам ни покажи... Даже и не знаю, что вам такое... гм... явить...

– Тогда пойдемте отсюда, – сказала она. – Меня почему-то гнетут низкие своды.

– Как скажете, ваше высочество, – сказал я с облегчением. – На какие только жертвы я не иду для вас!.. Позвольте поддержку, тут ступеньки щербатые... Хотя нет, а то вдруг в самом деле оступитесь, нести придется...

За дверью кроме стражи еще и Зигфрид, сразу вперил в принцессу подозрительный взгляд, будто она водила меня в подвал насиловать, я спросил встревоженно:

– Что-то стряслось?

Он помотал головой.

– Нет, там все под контролем. Арбалетчики даже на крышах. Просто Скарлет намекнула, что в тайных сокровищницах бывают очень опасные вещи, а в этой они точно есть, она чувствует...

Я сказал быстро:

– Приведи ее, пускать укажет, мы их тоже экспроприруем на благо народа в моем лице.

Он поклонился, а мы прошли по коридору, а затем наверх по лестнице, где стражи то и дело распахивают перед нами двери и плотно захлопывают за спинами.

Я поглядывал на Аскланделлу, но помалкивал, оба иногда отвечаем на поклоны милостивым наклоном головы, а когда миновали залы и перешли в зону частных покоев, она произнесла с тем же холодком:

– Империя Вильгельма Блистательного, если вам это интересно, не увеличивается вот уж почти тысячу лет. Но и не уменьшается.

– Феномен, – сказал я заинтригованно. – Что за волшебные силы ее берегут?

– Никаких волшебных сил, – заверила она. – Никаких.

– Военное мастерство? – спросил я. – Но какой правитель устоит перед соблазном расширять свои владения?

Поднявшись на третий этаж, мы остановились, ее покои – направо, а мои, как и положено мужчинам, налево.

Я спросил осторожно:

– К вам или ко мне?

Она чуть улыбнулась.

– У меня там ждут три принцессы. Вряд ли вам захочется сейчас слушать их милое щебетанье...

Я осторожно придержал ее локоть двумя пальцами.

– Тогда ко мне. Позвольте...

Часовые впереди вытягиваются, смотрят вроде бы мимо. Я заметил, что стало их вдвое больше, теперь все в тяжелых доспехах, Альбрехт осторожничает, да и Клемент явно требует увеличить осторожность ввиду прибытия короля.

В моих покоях словно бы стало светлее, когда Аскланделла переступила порог. Я суетливо придвинул для нее кресло к столу, перед женщиной суетиться не зазорно, даже как бы напротив. Она царственно села, расправив платье так, что оно заняло место по ярду справа и слева.

Торопливо сотворив фужер со свежайшим виноградным соком, я сунул его Аскланделле прямо в руку.

– Это вам понравится...

Она сделала глоток, подняла на меня внимательный взгляд.

– Но сейчас зима...

– Тем вкуснее, – ответил я бодро. – Итак?

Она отпила еще, улыбнулась.

– Чудесно... В общем, так уж получилось, что с двух сторон империю окружают неприступные горы, а с третьей нас от соседей отсекает ущелье шириной почти в милю. В древности на территории империи были разные племена, постоянно воевали, потом образовались королевства, тоже воевали, пока одно из них не покорило остальные, а ее король не провозгласил себя императором.

– И что, с одной стороны можно?

– Тоже нельзя, – ответила она победно. – Там тоже горы, хотя и не сплошные. Есть только один хороший проход в наши земли, но еще наши пращуры выстроили там высокий забор из бревен, перегородив от стены ущелья до противоположной стены. Потом укрепляли, сделали впятеро толще и выше, наконец заменили дерево на камни... И какие бы ворота ни были в той стене широкие, но это только ворота, сэр Ричард! Они распахиваются лишь с одной стороны.

Я не стал ждать, когда она опустошит фужер с виноградным соком, сделал еще с полдюжины: с черничным, апельсиновым, ананасовым, гранатовым и яблочным.

У нее при всей невозмутимости расширились глаза, а ноздри затрепетали, улавливая нежные ароматы свежесжатых фруктов.

– Здорово, – сказал я озадаченно. – Это единственный проход?

– Есть еще пара опасных троп, – сообщила она, – идут над пропастью, снегопады открывают их только на месяц в году. Не только армия, даже малый отряд не пройдет в империю!.. Но нам такая жизнь нравится, потому что нужно следить только за тем, чтобы не поднимали мятежи местные князья и принцы.

Я понаблюдал, как она с удовольствием пробует незнакомые соки, вряд ли апельсины, ананасы или гранаты растут в этих широтах, сказал с облегчением:

– Тогда все в порядке.

Она поинтересовалась, облизывая губы:

– Что вы имеете в виду?

– Что столкновения, – объяснил я, – с императором Вильгельмом не будет.

– И вы не разочарованы? – спросила она настойчиво.

– Чем?

– Что не удастся захватить и наши земли...

Я едва не перекрестился, настолько дикой показалась эта идея, и Аскланделла, судя по ее лицу, это поняла.

– Ваше высочество, – сказал я, – мне удалось проникнуть на ту сторону Большого Хребта... не знаю, слышали вы о нем или нет, это далеко на юге. Там обнаружил богатейшее и роскошнейшее королевство на берегу южного океана, что не знало войн, как и ваше... Там не бывает зимы, не видели снега, мне удалось захватить те земли, я наслаждался там жизнью, начал строить огромный флот из больших кораблей, вы даже не представляете, насколько великанских, выходил в море и обнаружил удивительные сказочные острова... и вы полагаете, что променяю это на ваши засыпанные снегом и промерзшие земли?

Она помолчала, поглядывая на меня пытливно, наконец произнесла тихо:

– Вы можете рассказать... подробнее?

– А стоит ли? – спросил я жестко. – Ваш уютный мирок может... пусть не разлететься вдребезги, но хотя бы потускнеть.

– Я рискну, – пообещала она.

Я создал еще пирожных, сладкого вина, а себе большую чашку кофе и начал рассказывать о великолепном Геннегау, о Тарасконе и его замечательной бухте, где строится мой флот, о кораблях, что очень даже крупнее лодок, о Гандерсгейме с его сотнями королевств, о теплом море, далеких островах, пиратах, загадочных землях по ту сторону океана...

Она слушала внимательно и бесстрастно, однако румянец все же начал проступать на щеках, глаза заблестели, так что я молодец, сумел растормошить ее застывший мир...

– Кстати, – сказал я, – я уж перебрался в гостевые покои...

Она кивнула.

– Мне его величество предложил любезно через посредничество Раймонда Меммингема занимать покои королевы и далее, по крайней мере до тех пор, пока его супруга не прибудет из дальнего монастыря, куда он ее отправил для защиты. Или же пока ее супруг не пришлет за ней надлежащий эскорт.

– Значит, – сказал я, – будем видеться реже.

Она посмотрела с иронией.

– И не надейтесь.

– Ваше высочество?

– Я очень любезно поблагодарила, – пояснила она, – и отказалась, что естественно. Негоже мне занимать покои королевы, не будучи супругой короля Леопольда! Однако я охотно перейду в покои для гостей.

Я сказал кисло:

– Мы теперь два бедных зайчика, лишившиеся своих норок, так что можем найти убежище где-то на юге...

Она сдержанно улыбнулась.

– Вы сами отдали эти норки. И, конечно, очень правильно и своевременно.

– Считаете?

– Вижу, – ответила она.

– Ого!

Она покачала головой.

– Не надо быть провидицей, чтобы понять.

– А я вот не понимаю, – пробормотал я.

– Чего, ваше высочество?

– Почему вы... не дура?

Она в насмешке вскинула брови.

– А я должна?

– Еще бы, – заверил я. – Вы же красивы!.. Исключительно красивы. Просто с ног сшибающе. Хотя вообще-то да, у вас красота какая-то не дурная, а пугающая. Как у снежной королевы... нет, снежной богини! Даже меня вот трясет, а что с остальными?

Она оглядела меня скептически.

– В самом деле трясет?

– Где-то внутри, – заверил я. – Глубоко.

– Ну, разве что очень глубоко, – заметила она. – Не думаю, что замечаете такие глубокости. Человек вы...

– ...неглубокий?

– Не замечать глубины, – ответила она, – не так уж плохо. Кораблю, что идет по морю, неважно, сто ярдов до дна или тысяча.

– Вы знаете, – заметил я, – что такое корабли? А чего же я тогда распинаюсь?

Она посмотрела на меня с удивлением.

– Вам это нравится, вот и распинаетесь. Разве не так? А мне жить на берегу моря и не знать, что такое корабли?

– Гм, – сказал я, – разве дальше не весь мир покрыт льдом? Даже летом... И если есть там море под толщей снега в десяток ярдов...

Она изогнула губы в презрительной усмешке.

– Хотела бы я показать вам наше море, чтобы сбить это глупую спесь!

– Договорились, – сказал я. – Я покажу вам наше южное море, вы покажете северное. И мы сравним, где корабли крупнее. Но это будет потом, а сейчас вашему высочеству предстоит сидеть рядом с его величеством королем!

Она посмотрела на меня с жалостью.

– Что у вас за дикарские представления?.. У его величества есть жена, которую он отослал еще в начале войны в безопасное место. Это ее кресло.

– Как же тогда? – воскликнул я.

– Как и вы, – ответила она просто. – Мне будет уютно и в тех покоях, которые отвел мне его величество король Леопольд.

Я посмотрел в ее равнодушно-прекрасное лицо с настолько безукоризненными чертами, словно она и не человек вовсе.

– Ловлю на слове, – сказал я зловеще. – Будете рядом, наплачетесь... Впрочем, это я наплачусь от вас... наверное.

Она произнесла безмятежно:

– Какой-то вы человек крайностей, принц Ричард.

– От вас у меня только одна крайность, – буркнул я.

Она вскинула брови и посмотрела с немим укором.

– Ваше высочество?

– Предельный восторг и обожание, – ответил я, не особенно и маскируя сарказм.

Глава 7

Сакрантские лорды выехали встречать короля еще с утра, мои полководцы и военачальники через час, как и обещали, а я еще помедлил во дворце, но не придумал, чем себя занять, и, кликнув Бобика, велел подать моего черного коня к подъезду.

Яркий солнечный день, белые просторы слепят глаза, даже небо настолько светлое, что выглядит заснеженной пустыней, дальний лес почти скрыт под тяжестью пригнувшего ветви снега.

Я догнал пышную группу всадников, вся наша знать движется тесной группой, радостно звинченные. Чуть в сторонке еще больше празднично разодетого народу, у всех шубы распахнуты, чтобы открыть на груди золотые цепи разной конфигурации, размера и у кого с драгоценными камнями, у кого с массивными бляхами из золота с выдавленными там знаками и гербами.

Альбрехт оглянулся, заслышав грохот копыт арбогастра, под которыми мерзлая земля не просто трещит, но и разламывается, как молодой лед.

– Ваше высочество!.. Не слишком ли одеты легко?

– У меня кровь пока еще горяча, – ответил я, но напомнил себе, что можно было бы одеться и теплее, а то как белая ворона, хотя для многих эти толстые шубы – признак важности, носят для спеси, ибо чем человек шире и крупнее, тем он как бы могущественнее и значительнее, в смысле, альфасамцовее. – Все в порядке, мы же не надолго?

– Это как получится, – ответил он. – Все ли в наших руках?

– Все, – ответил я. – А что, еще не то возьмем.

– За горло, – добавил он задумчиво, – встряхнем и спросим... а что спросим?

Я отмахнулся.

– Неважно. Что-нибудь красивое или многозначительное. Пусть даже и не в тему.

– Главное, – согласился он, – стиснуть пальцы на горле.

Под конскими копытами плотно утопанный снег проламывается со смачным хрустом, хотя полозьями саней укатали вроде бы до твердости камня, морозный воздух пока еще приятно обжигает кожу.

Идя на рысях, догнали отряд копеещников. Те настолько бодро и слаженно идут по дороге, что почти маршируют, хотя пока что это понятие здесь незнакомо, однако умелое и быстрое перестроение знакомо издавна, хотя потом забывались и достижения македонской фаланги, и умелые маневры римских легионов, снова и снова все начиналось сначала. И эти вот рыцарские дружины, не подчиняющиеся никакой дисциплине – это начало... уже на новом уровне.

Обгоняя копеещников, пронесся отряд тяжеловооруженных всадников, их не отличить от рыцарей, разве что шпоры не золотые, да кони поневоле попроще.

Альбрехт проворчал ревниво:

– Стоит ли так стараться для встречи побежденного короля?

– Уважение выказываем, – пояснил я. – Такое и корове приятно.

– Уважение уничтожает остальные чувства, – заметил он.

– Так то подлинное, – пояснил я. – А мы только выказываем! Вежливые мы, понятно, граф?

– Что, правда? – спросил он озадаченно.

Со стороны леса показалась группа конных, мне даже почудилось, что из самого леса, хотя это немыслимо даже для охотников, снега слишком глубоки.

Впереди маркграф Джонатан Берген, рядом всадник с короной на голове поверх легкой шапочки с мехом, облегающей голову и закрывающей уши. Корона, как я рассмотрел, коро-

левская, так что это может быть только сам король Леопольд Кронекер, сюзерен королевства Сакрант, невольный, так утверждают, союзник Мунтвига.

Мои лорды живо переговариваются, все держатся приподнято, мы же победители, на короля смотрят без всяких церемоний. Да, король, но это побежденный король.

Сам Леопольд невысок ростом, с короткой русой бородкой, где седина не так уж и заметна, сухоощав, хотя одежек на нем не сосчитать, а сверху еще и роскошный меховой плащ, расшитый золотыми розами и украшенный драгоценными камешками.

Когда приблизился, я рассмотрел интеллигентное лицо, умные усталые глаза, мешки под ними, слегка запавшие щеки, но чуточку выдвинутую нижнюю челюсть, что говорит о присутствии характера и наличии воли.

На меня взглянул с некоторой робостью, как человек смотрит на большую собаку с оскаленными клыками. Кто знает, что у нее на уме, может, не укусит, а может, и укусит.

Я ощутил не то что неловкость, но даже некоторый стыд, неужели в самом деле выгляжу диким варваром, которому только бы кровавые сражения, лязг мечей и крики мертвецов?

– Ваше величество, – произнес я со всей теплотой, на какую способен по отношению к другому мужчине, – приветствую в вашем прекрасном Генгаузгузе, сохраненном нами в целости и сохранности для сегодняшнего победного возвращения вашего величества в ваш дворец и на ваш трон государя и повелителя!

Он улыбнулся одними глазами, но я видел, что напряжение все же медленно покидает его застывшее лицо и тело.

– Я рад за свой город, – произнес он хорошо контролируемым голосом, – и за свое королевство.

Когда разговор идет на высоком уровне, будь это в тронном зале или в частной беседе, каждое слово исполнено смысла, потому «свой город» и «свое королевство» хоть и звучат обыденно, однако несут и особый подтекст.

Я тоже улыбался, не во весь рот, конечно, государи так не улыбаются даже среди узкого круга самых близких, но достаточно тепло и почти дружелюбно.

– Ваши дочери, – сообщил я, – пребывают в своих покоях, куда им доставляли еду. Увы, они не решались участвовать в наших застольях, к великому сожалению наших лордов! Однако недавно дочь императора Вильгельма, принцесса Аскланделла, взяла их фрейлинами...

У него вырвалось:

– Ох, спасибо!

– Это спасибо Аскланделле, – ответил я вежливо, – она, как вы уже знаете от маркграфа Бергена, что выехал встречать вас, с нами. Ваши дочери сопровождают ее всюду, вызывая восторг моих и ваших вельмож красотой и утонченным обаянием.

Он сказал с чувством:

– Ваше высочество, вы сняли последний камень с моей души. Близость к ее высочеству, дочери великого императора... это честь для нас!

– Гм, – сказал я. – Ваше величество, позвольте сопровождать вас в столицу, где горожане, без сомнения, уже торчат на всех городских стенах и даже на деревьях?

Он не ответил, что очень рад или хотя бы просто рад, король не может радоваться, что его сопровождает принц, это принц должен радоваться обществу короля, потому ответил мягко:

– Вы очень любезны, ваше высочество.

– Стараюсь, – сообщил я, – хотя я, как видите, человек войны и больше привык к грохоту топоров по головам и крикам мертвецов, чем к изысканным речам...

Краем глаза видел, как ехидно улыбнулся Альбрехт, он вроде бы пока единственный усекающий насчет криков мертвецов, остальные смотрят гордо и надменно, дескать, мы такие же.

Леопольд послал коня ближе к моему арбогастру, и хотя так он выглядит значительно ниже, а я могу посматривать свысока, но он мудро не обращает внимания на такие важные для других мелочи.

Я поглядывал с ожиданием, он сказал совсем негромко:

– Ваше высочество...

– Ваше величество? – ответил я.

Он вздохнул, лицо омрачилось, но произнес твердым голосом:

– Хочу, чтобы некоторые вопросы были ясны как для меня, так и для вас. Для нас обоих. Я отдаю себе отчет, что моя жизнь и жизни моих людей находятся в ваших руках... однако бывают ситуации, что жизни – ничто, когда речь заходит о подлинных ценностях.

Я ответил с настороженностью:

– Ваше величество?

– В ваших руках армия, – произнес он ровным голосом, – но вы должны обращаться ко мне «ваше величество» и кланяться согласно протоколу дворцовых правил. Ваши люди должны вести себя тоже соответственно... Естественно, на людях.

Конь его продолжал идти тем же ровным шагом, но король прервал речь и покосился в мою сторону.

– Согласен, – ответил я. – Что-то еще?

– Вы и ваши люди, – продолжил он голосом, в котором появились более жесткие нотки, – не должны позволять себе выпадов в сторону нашей святой апостольской церкви!.. Как вы понимаете, это наша святыня, задевать ее или порочить в нашем присутствии – это больше, чем даже задеть нашу фамильную честь!

Я наклонил голову.

– Ваше величество... можете не сомневаться, я приложу все силы, чтобы этого не случилось... или случалось как можно реже. Скажу откровенно, я и не собирался предпринимать никаких репрессий... Да вы и сами видите, мы сожгли только несколько колдунов, которые вообще хулили Создателя и наводили порчу на скот... Я настолько уверен в преимуществах римской церкви, что просто разрешил вашей и нашей сосуществовать рядом, а там пусть победит сильнейший...

Он нахмурился, взглянул с неприязнью. Сама мысль, что апостольская может оказаться не сильнейшей, глубоко оскорбительна, но мудрость победила, и он сказал сдержанно:

– Что ж, это неприятно... но справедливо. Хотя тупой народ не всегда может выбрать правильно.

У меня вертелось на языке, что как раз обряды апостольской более красочны и понятны простому народу, в то время как католические обряды строже, как и сами священники смотрятся приличнее, а в церквях нет великолепно расписанных икон или сделанных из сусального золота образов, но заставил себя смолчать, религиозный спор может очень быстро нарушить все договоренности и привести к новой войне, вместо этого заставил себя улыбнуться и сказать совсем мирно:

– Ваше величество... разве такие вопросы не обсуждаются заранее, не составляются договоры с подписями?

На его лице тоже проступила улыбка. Он взглянул коротко в мою сторону живыми карими глазами.

– Мне уже доложили о вашей манере решать вопросы.

Я хмыкнул.

– Ваше величество рискует.

– Да, – ответил он, – но мне почему-то кажется, что ваше высочество слово не нарушит. А затягивать дальше было опасно.

Он не сказал, в чем опасность, но я и так догадывался, что от короля убегают последние его сторонники. Он и так уже с горсткой верных ему, да и то это по большей части слуги, а лорды уже заперлись в замках и крепостях и готовятся начать борьбу за власть, как только захватчики уведут армию.

Ворота Генгаузгуза приближаются, уже широко распахнутые, дорога дальше идет расчищенная широко, четверо всадников проедут стремя в стремя, на стенах и башнях полно народу, все размахивают руками, подбрасывают в воздух шапки и ликующе орут.

Я кивнул на радостные лица горожан.

– Вас обожают, Ваше величество!

Он коротко усмехнулся.

– Не завидуйте. Еще больше они бы ликовали, видя, как меня везут на казнь. Это же народ! Им подавай зрелища.

– Вы несправедливы, – сказал я мягко, – с вашим приходом возвращается прежняя власть. Народ консервативен, новое пугает.

– Народу нужна стабильность, – согласился он, – и крепкая власть. Потому принц Ричард Завоеватель в качестве преемника престола их устроит больше, чем любой из местных лордов.

Я кивнул, понятно, но спросил:

– Почему?

– У того, кто займет трон после меня, – ответил он со вздохом, – другие наверняка смогут общими усилиями вырвать из рук власть...

Альбрехт сказал с другой стороны:

– Ваше величество абсолютно правы! А потом будут делить ее в кровавой распре.

Леопольд взглянул на него с вопросом в глазах, достаточно ли этот человек высокого ранга, чтобы вмешиваться в разговор, и почему я не осажу нахала, но принял реалии и только продолжил сдержанно:

– А из львиных лап принца Ричарда не рискнут даже и пытаться.

– Вы поступаете мудро, – ответил я. – Ненависть... или, скажем мягче, неприязнь к чужаку не мешает вам смотреть реально на мир и вещи.

Он изогнул губы в горькой усмешке.

– Неприязни, тем более ненависти, как раз и нет, вы должны это понимать. Ненавидим соседа, а не того, кто далек... С момента восхождения на трон я сдерживаю попытки герцогов Фирнебурга и Сайна усилиться, расширить влияние, вытребовать себе больше прав... и так уже тридцать лет!.. А граф Бич-Лихтенберг, фактически отделивший свои владения от королевства? А барон Зарганс, что вот уже семь лет не отправляет ко двору собранную в его землях королевскую долю податей? Мне есть кого страшиться больше, чем принца Ричарда! И страху этому много лет, ваше высочество...

На стенах города черным-черно от высыпавшего встречать короля народу, просто давка, если бы все разом вышли в тот первый день на улицы, нам бы город захватить не удалось, но мирное население на то и мирное, стаду овец не остановить даже одного волка.

Когда подъехали к воротам, на снег полетели со стен цветные платки, нарезанные из красной ткани сердечки, лепестки, фигурки. Король улыбался и отечески помогал рукой, и всякий раз это вызывало взрыв восторга и дикого энтузиазма.

Под копыта коней со стены и верха ворот продолжают падать платки и шапки вместо букетов цветов и лепестков роз, как было бы летом, народ визжит от радости, а на улицах города стража оттесняет людей к стенам домов, освобождая нам проезд.

– Любят вас, – сказал я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ревности. – Значит, правила умело...

– Как мог, – ответил он просто и добавил с той же извиняющейся улыбкой интеллигентного человека: – Но я старался.

Придворные, облачившись в шубы, встречают короля еще по эту сторону ограды, для него не только распахнуты ворота, но, похоже, готовы были снести и часть забора.

Около сотни вельмож выстроились, дрожа от холода, явно долго ждут, по обе стороны дороги от ворот сада и до здания, там уже все разукрашено, все машут руками и шляпами, а за их спинами размахивают королевскими флагами.

Мы с Леопольдом двигаемся в некотором вакууме, никто не смеет подойти ближе двух шагов, таков придворный этикет, но когда слуги распахнули перед нами парадные двери, я остановился и вежливо улыбнулся королю.

– После вас, Ваше величество.

Он возразил:

– После вас!

– Нет, – сказал я, – после вас.

Он с неловкостью улыбнулся, шагнул через порог не как его величество король, а как человек, который торопится пройти, чтобы не задерживать того, кто сзади.

Мои лорды тихонько забурчали, не понимают, что, когда все козыри на руках, ничего не стоит быть предельно вежливым, тем более что король в целом нравится как внешностью, так и манерами. А дорогу могу уступить просто как младший старшему.

В холле только слуги с влюбленными лицами и радостными глазами, а едва подошли к распахнутым дверям главного зала, прозвучали фанфары.

Церемониймейстер прокричал громовым голосом:

– Его Величество король!

Рев труб стал еще радостнее, просто ликующий. Я наконец-то ощутил укол ревности. За мной идут радостно и охотно, но это все-таки не любовь, а вера в силы и умение своего лидера всех победить, нагнуть, ограбить, привезти домой богатую добычу и трофеи.

В зале не просто горят, а полыхают все свечи, я даже не замечал, что здесь столько люстр и всевозможных светильников, как напольных, так и настенных, светло и ярко, как солнечным летним днем.

С балконов свисают красные и оранжевые полотнища, все с королевскими гербами, под ноги королю бросили букет цветов, потом еще и еще, явно срезали все, что заботливо выращивают всю зиму в горшках.

В этом зале уже самая высшая знать королевства, видно по спеси и важности. Я этих морд ни разу не видел, прибыли только для встречи Леопольда, выражая сюзерену преданность и поддержку.

Фанфары прозвучали снова, я уловил новые ноты, хотя мне медведь не только на оба уха наступил, но и с удовольствием по ним еще и потоптался.

Глава 8

Все повернули головы. Я услышал сдержанный «ах», проследил за их взглядами. По широкой лестнице со второго этажа сходит красиво, величественно, однако в то же время и грациозно, принцесса Аскланделла в великолепнейшем голубом платье с золотым шитьем. За нею, как три смиренные овечки за пастухом, идут умытые и сияющие дочери короля.

Альбрехт шепнул у меня за спиной:

– Вроде бы ей не по рангу...

– А как надо? – ответил я шепотом.

– Не знаю. Случай слишком редкий.

– Есть повод, – пробормотал я, едва шевеля губами. – Обеспокоенному за дочерей королю можно сразу показать, что все три живы, здоровы и счастливы...

Я ощутил смутную благодарность, хотя, конечно, этим она зарабатывает очки себе, но и мне малость перепадает, ибо, как мудро сказал Меммингем, все, что делает Аскланделла в моем окружении, несет на себе и мою печать, ибо это вот можно истолковать либо как дозволенности, либо разрешения, а то и вовсе как прямое указание моего высочества именно так делать, а не иначе, а дочерей пригреть и заботиться...

– Или же она подхватила у вас дурную манеру, – сказал Альбрехт так же тихонько, – пренебрегать правилами...

Аскланделла сошла с лестницы, остановилась, величественным и одновременно дружелюбным жестом отправила принцесс навстречу отцу. Все три заулыбались, но сдержанно, я смотрел с некоторым удивлением, как шагнули к родителю, а затем синхронно, начиная со старшей, опустили так, что я даже не рассмотрел за массой платьев, одетых одно на другое, то ли просто присели, то ли встали на колени.

Он подошел, нет, приблизился, величественный и благосклонный, подал Джоанне руку.

Она смиренно поцеловала тыльную сторону кисти и сказала тихим голосом:

– Ваше величество...

Глаз она не поднимала, оставаясь в той же позе полной покорности, а Леопольд подал руку Рианелле, затем Хайдилле. Те точно так же поцеловали ему руку и замерли в той же позе, смиренно опустив глазки dolu.

Наконец он подал руку Джоанне уже несколько другим движением, та приняла с милой улыбкой и грациозно поднялась, глядя на него сияющими глазами. Точно так же он подавал руку и поднимал ее сестер, а по их лицам и улыбкам я видел, что они бросаются друг другу в объятия, однако только мысленно, ибо жизнь королей подчинена строжайшему протоколу.

Он повернулся к Аскланделле, дочь императора ожидает с милостивой улыбкой. Леопольд приблизился медленно и торжественно, я смотрел с любопытством, есть ли такое в протоколе, когда король встречает дочь императора на своей земле, но в присутствии завоевателя, обладающего реальной властью.

Леопольд поклонился, ухитрившись в одном жесте совместить разнообразнейшие оттенки, от величественности короля, принимающего знатных гостей, дружелюбности и покровительства старшего по возрасту младшему, но еще и чисто мужское удовольствие от встречи с красивой женщиной, которой может поцеловать руку.

Аскланделла неизменно на высоте, в данном случае она и дочь императора, принимающая короля, и дочь соседа, и старшая подруга, приютившая его дочерей и оказывающая им покровительство дочь самого Вильгельма Блистательного.

– Ваше высочество, – произнес он со всем почтением и в то же время великой радостью, – я безмерно счастлив, что вы заметили моих дочерей и защитили...

Она прервала небрежным голосом:

– Ваше величество, никакой благодарности! Им здесь ничего не грозило, это они мне помогли коротать дни.

– Ваше высочество!

– У вас замечательные дочери, – сказала она.

Он поклонился и сказал растроганно:

– Ваша похвала бесценна, ваше императорское высочество...

– Вы прекрасно их воспитали, – произнесла она таким непререкаемым тоном, словно ей самой лет сто, не меньше. – В самом деле... весьма.

Все три ее фрейлины с сияющими лицами вернулись к ней и встали рядом, но на полшага сзади, как надлежит вышколенным и благовоспитанным.

Я сказал громко:

– Дивное зрелище! Меня аж скупая и весьма горячая мужская прошибла. Никак не отойду, час зареву... Как видим, есть радость и щасте в этом мире, есть! Приглашайте нас в свой королевский дворец, ваше величество!..

Леопольд кротко зыркнул в мою сторону, но я серьезен, никаких злых шуточек, в самом деле нужно поскорее закончить здесь, меня, и не только меня, ждут на Юге, так здесь называют земли, лежащие в той стороне... да я сам недавно так их называл!

Слуги забегают вперед и распахивают двери, всегда обе створки, и явно жалеют, что не могут раздвинуть стены. Мы прем большой и радостно галдящей толпой, сразу заполняя своей пестротой все пространство сзади и по сторонам, мои лорды и сакрантские еще не перемешались, однако, вижу, до этого уже недалеко.

Сказать, что я не исследовал дворец в первый же день, – это сказать неправду, но я абсолютно не обращал внимания на красоты, только места, где мог затаиться враг, где ловушки, где чувствуется опасность, где слишком подозрительно освещенные места с такими, где хоть глаз выколи, но сейчас, медленно шествуя рядом с королем, я замечал красоту длинного, но широкого коридора, настолько широкого, что и не коридор, а как бы огромный зал, уходящий вдаль, только через каждые три статуи в нишах стен имеется массивная дверь, иногда уже распахнутая, в этих случаях оттуда доносятся голоса, иногда даже музыка.

Пол в красно-серых плитках, стены с колоннами и полуколоннами, потолок настолько высоко, что так и не обратил внимания, что на нем нарисовано.

Даже на лестницу посмотрел иначе, сейчас это не приспособление, чтобы взбегать наверх, а произведение архитектуры, если не вовсе искусства: посреди мраморных ступеней пролегает красная дорожка, перила широкие, тоже мраморные, балясины вычурно резные, на каждом пролете массивные вазы из темной меди.

– Ваше величество, – произнес я громко, – ваш дворец, ваш город, ваше королевство!.. Вам нужно отдохнуть с дороги, а я пока удаляюсь. Слуги уже подготовили мне комнаты, не беспокойтесь.

Аскланделла тоже проводила его взглядом, повернулась ко мне, в глазах проступило что-то вроде насмешки, перемешанной со странным сочувствием.

– Что вас тревожит, ваше высочество?

Я спросил с неудовольствием:

– У меня такой вид?

– Да, – подтвердила она. – Похоже, вас смущает, что принцесса Джоанна похвастается родителям насчет удобств вашей постели?

Я пробормотал, отводя взгляд:

– Похвастается?

– Ну да, – подтвердила она. – Чувствуется, вы совсем недавно достигли такого могущества... и еще не привыкли, что вам все доступно. Не волнуйтесь, король наверняка примет новость спокойно.

Я буркнул:

– Вы думаете?

– Вы, – напомнила она, – верховный лорд. А лорду надлежит все лучшее по праву. Разве не так это даже у животных? Осуждаемо, когда спят или просто вяжутся с намного более низкими по происхождению.

Я ответил, все еще не в силах поднять взгляд и посмотреть в ее ясные спокойные глаза:

– Так то у животных.

– А мужчины лучше? – поинтересовалась она. – Впрочем, и женщины... Так что думайте о другом, ваше высочество. О действительно важном. Вам нужно решить проблему лояльности местных лордов, взаимоотношения с церковью, а также принять присягу принцев, что прибыли к вам с воинскими отрядами.

– Что? – спросил я уже с растущим раздражением. – Еще и от них принимать?

– Вы же не нашли времени в прошлый раз, – напомнила она, – а только отсрочили. А такое нужно решить окончательно.

– Хорошо, – сказал я, – тогда займитесь этим, вы же дочь императора, вам проще с ними найти общий язык! Мне их придется нагибать силой, а перед вами склонятся сами, да еще и ручки поцелуют.

Она чуть наклонила голову, вид строгой школьной учительницы младших классов, где один из самых тупых учеников неожиданно проявил задатки разумного поведения.

– Правильное решение...

Подошел Альбрехт, и я не успел огрызнуться, не люблю, когда последнее слово не за мной, Альбрехт сказал настойчиво:

– Ваше высочество, требуется ваше личное...

– Хорошо, – ответил я еще отрывисто, – пойдем... Ваше высочество...

Я поклонился ей, она в ответ церемонно присела, прирастопырив платье в стороны. Мы пошли быстро из зала, и только в соседнем я подумал ошарашенно, что вот только что сам поручил ей распорядиться насчет принцев так, как она считает правильным!

Недавно ярился, что самовольно отдает какие-то приказы, хоть и самые мелкие, а сейчас вот... Или мной так умело манипулируют, что я, святая простота, и не замечаю?

К сожалению, нельзя вместо себя на коронацию послать другого. Такое можно только на бракосочетание, как делается нередко, кто-то посылает вместо себя представителя, а кто-то и еще проще: свой именной меч, невеста выходит за него замуж, а хозяин клинка появляется через полгода-год из походов...

Потому я отстоял, а потом отсидел положенное время, а когда на мое чело возложили корону, сказал все положенные слова благодарности и признания, как за честь, так и за доверие, а затем пообещал, что буду во всем крепкой и надежной поддержкой его величеству королю Леопольду.

Сам Леопольд нигде и ни в чем не выказал, что возлагает корону наследного принца на мое чело поневоле. Вообще-то не совсем поневоле, даже передать трон мужу старшей дочери вызвало бы междоусобицу, а вот так все наглядно: попробуй вырвать власть из когтей льва, в этом он прав.

На коронации был момент, когда я должен поцеловать руку королю Леопольду, все произошло, а сам Леопольд заметно напрягся, готовый ко всяким неожиданностям.

Возможно, и здесь помнят запечатленный летописями момент коронации, когда король Франции Карл Простоватый вынужденно передавал вторгнувшимся норманнам лучшую часть королевства, названную потом теми Нормандией. Вождь викингов должен был признать себя за это вассалом короля и в знак присяги поцеловать ему ногу. Самолюбивый Ролло, который ни перед кем не гнул голову, нашел выход, ухватив короля за ногу, подняв ее к своему лицу и

поцеловав. А то, что король позорно брякнулся на спину, уже частности, зато формальности соблюдены. В политике засчитывается только результат, а способы достижения могут быть разными.

Епископы, с моей стороны Геллерий, со стороны Леопольда – благообразный и очень знающий богословие Арландий, понимали ситуацию и провели церемонию достаточно быстро.

Я все время ловил на себе насмешливый взгляд Аскланделлы, но держал морду спокойной и равнодушной.

Едва церемония закончилась, я быстро поднялся на ноги, без всякой величавости, король здесь – Леопольд, а я – полевой вождь, сказал громко и властно:

– Его Величество король изволит отдохнуть после долгой дороги и пообщаться с дочерьми, а у меня важный разговор с моими лордами!.. За мной!

Пока сакрантцы хлопали в растерянности глазами, я так же быстро сошел с помоста, улыбнулся всем волчьим оскалом и ушел по коридору, ведущему от трона внутрь здания.

Лорды двигались следом, толкаясь в тесноте перехода, а я все ускорял шаг, пока они не перешли почти на бег, но дальше уже Зигфрид подал слугам знак, они распахнули двери пока еще моего кабинета и отступили.

Я с порога снял корону и метнул ее на оленьи рога над дверью, где она повисла на самом верхнем отростке и красиво закачалась, поигрывая в свете свечей рубинами и топазами.

– Садитесь, – велел я, – кто устал, а кто нет – может стоять. Разговор будет длинным, но коротким.

Лорды в самом деле кто сел, кто остался на ногах, лишь прислонился к стене и заложил ногу за ногу, показывая, что почти лежит. Принц Сандорин сказал почтительно:

– Ваше высочество ознакомит нас с планами продвижения дальше на север?

Я сказал раздраженно:

– Принц, вы последние дни торчали в своем лагере, даже принцесса без вас заскучала, и не слышали о последних указаниях вашего лорда, это я, если еще не забыли! Так и быть, повторю в развернутом виде, а то не до всех доходит с первого раза... Кстати, я сам такой. Сейчас вам расскажу, а потом, глядишь, и сам пойму.

Он поклонился.

– Ваше высочество...

– Дальше, – сказал я властно, – нашей армии идти нет смысла.

Кто-то охнул:

– Ваше высочество!

– Империя Мунтвига распалась, – сказал я жестко, – или распадается. Так обычно и бывает у завоевателей, которые не могут предложить даже союзным королям никакой мощной объединяющей идеи, кроме обещания нахватать много богатой добычи и прирастить свои королевства землями более слабых соседей. Правда, есть еще и массы фанатиков, которые двинулись на Юг с маниакальной идеей распространить власть апостольской церкви на весь мир, но наш встречный удар не только сокрушил хребет мощи мунтвиговских армий, но и вдребезги разбил их веру. С такими людьми проще, Господь отвернулся от них, значит, они идут неверным путем, пора теперь им всем разойтись по домам и каяться...

Они слушали очень внимательно, Сандорин проговорил медленно и с недоумением:

– Ваше высочество, не значит ли это...

– Да, – сказал я резко. – Значит!.. Мы уже в Сакранте, но до сих пор не знаем, где начнутся земли империи Вильгельма!

Клемент прорычал с воинственной ноткой:

– И сколько у него войска!

– И насколько велика территория, – добавил Сулливан.

Мидль негромко кашлянул, а когда на него оглянулись, сказал мягко и с укором:

– Его высочество всего лишь желает узнать, как проще вернуть принцессу Аскланделлу ее родителям. Хотя если кто-то поинтересуется моим мнением, то я за то, чтобы ее оставить у нас.

Я сказал зло:

– А на каком основании? Она здесь временно, потому что мы по ошибке захватили ее свадебный кортеж и разграбили... или не разграбили? Это неважно.

Альбрехт сказал рассудительно:

– Герцог Мидль говорит, как всегда, мало, но строго по делу. И, добавлю, мудро. Принцесса, как мы все заметили, не чувствует себя ущемленной.

– Не показывает, – сказал я сварливо.

– Возможно, – согласился он, – у нее такое воспитание. Но возможно и то, что ее воспитание позволяет ей не чувствовать себя так уж ущемленной.

– Погодите, – сказал Сулливан, – а когда передадим родителям, не натравит это всю армию Вильгельма? Разгневанные родители на что только не пойдут... С другой стороны, у нас будет возможность совершить больше боевых подвигов. А то как-то получилось с Мунтвигом разочаровывающе быстро. Я ждал грандиозных сражений, кровавых битв, чтоб кровавые ручьи сливались в кровавые реки...

Я вскинул обе руки, все умолкли, я сказал решительно:

– Все, каникулы кончились, я отбываю.

Сандорин вскрикнул в испуге:

– Ваше высочество, я даже не спрашиваю, зная вас, куда вас занесут ангелы, пусть они даже с рогами... но – надолго?

Я пожал плечами.

– Не от меня зависит.

Он аристократически охнул.

– Как это... не от вас? А кто есть старше вас? Даже император Вильгельм вряд ли вами покомандует!

Глава 9

Все тоже смотрят примерно так же, только Альбрехт вздохнул, понимает, что в мире несколько параллельных, так сказать, силовых структур, из которых королевская власть самая слабая, а все остальные: власть церкви, объединение Высших Магов, могучие рыцарские ордена... все это развивается, не обращая внимания на то, какие короли там внизу сменяют друг друга и какие мелкие междоусобные войны ведут, а эти войны все мелкие, даже если и направлены, ах-ах, на захват всего мира, который на самом деле неизмеримо больше, чем они думают.

Клемент прогудел мощно:

– Принц... Его высочество будет выполнять миссию гораздо более важную, чем наше завоевание этих королевств.

– Что-о?

– Потом расскажем, – успокоил Клемент.

В кабинет заглянул Зигфрид.

– Ваше высочество! К вам гость...

Слова он произнес так многозначительно, что из кресла, опережая других, тут же поднялся даже медлительный на отдыхе Сулливан.

– Мы оставим ваше высочество, – сказал Альбрехт, – но рассчитываем, что перед самым отбытием вы еще передадите нам последние инструкции.

– Передам, – пообещал я. – Мало не покажется!

Едва они вышли в коридор, Зигфрид пропустил в кабинет человека в плаще и с накинутым на лицо капюшоном. Дверь захлопнулась, человек поднял капюшон.

Я увидел бесстрастное лицо Дональда Дарси, он коротко поклонился и застыл, ровный и бесстрастный, но исполненный почтительности.

– Сэр Дональд, – произнес я.

Он поднял голову, взгляд прям и тверд, произнес таким четким и контролируемым голосом, что я невольно вспомнил Аскланделлу:

– Ваше высочество!

– Сэр Дональд, – сказал я, – вам я всегда рад, как радуемся всегда чему-то новому в нашей вообще-то привычной и серой обыденности. Хотя это вредит дипломатической сдержанности и протоколу, но, как говорит ваша принцесса, мы ж дикари, а дикарям, как вы понимаете, все можно.

Он сказал с улыбкой, дескать, юмор уловил:

– Хорошо быть дикарем!

– Расчудесно, – ответил я. – С какими новостями, сэр Дональд?

Он произнес как-то очень значительно, не сводя с меня пристального взгляда:

– Ваше высочество, я все по тому же поводу...

Я воскликнул:

– Забирайте!

Он смутился, сказал с приятной улыбкой:

– У вашего высочества весьма оригинальное чувство юмора... Ваша армия все ближе к границам империи Вильгельма Блистательного, так что нет острой необходимости забирать ее высочество Аскланделлу и везти через дикие и опасные места с небольшим отрядом...

– Дам большой, – заверил я.

– Но не больше, – заметил он, – чем вся ваша армия.

– Сэр Дональд, – сказал я, – могу вас известить даже официально, хотя пока что делаю это частным образом... в общем, наша защитительно-освободительная миссия ограниченного кон-

тингента войск с целью принуждения к миру... ничего, что так сложно?... практически завершена. Я не вижу острой необходимости в продолжении нашего замечательного и победоносного дранг нах норд.

Он напрягся, но я даже по застывшему лицу читаю достаточно отчетливо, как проносится множество суматошных мыслей, в том числе есть и облегчение, что опасная армия с непредсказуемым вождем наконец-то остановилась, и жажда понять как можно скорее, останемся ли здесь, объявим ли все захваченные земли своей собственностью или же поступим осторожнее и посадим на трон своих людей...

Наконец он проговорил осторожно:

– Ваше высочество?

Я пояснил с удовольствием:

– Можете забирать принцессу. Это наша конечная остановка. Дальше не пойдем, нет смысла. Мы ж дикари, но не дураки. Сам Мунтвиг, как полагаем, где-то с войсками южнее. Или не с войсками, а только собирает новое мясо для наших мечей и топоров.

Он проговорил с сомнением:

– Думаю, новых набрать будет непросто.

– Мы тоже пришли к этому же выводу, – ответил я любезно, – потому и не усердствуем с военными приготовлениями. Мечи держим в ножнах сухими.

Он посмотрел с некоторым ожиданием, но я не стал объяснять загадочную фразу, лишь про себя добавил, что хотя мечи и в ножнах, но ножны эти далеко не убираем.

– Ваше высочество, – проговорил он медленно, – это просто сокрушительная новость. Я должен немедленно сообщить Его императорскому величеству.

– А он, – сказал я, – не разрешает вам самому на месте решить такой пустяковый вопрос?

Он с достоинством выпрямился, в лице сдержанное негодование, но в голосе прозвучал отчетливый укор:

– Ваше высочество, когда дело касается особо высокорожденных лиц, ничто не бывает пустяковым.

Я пробормотал:

– То-то меня и не тянет в верха.

Он ответил с поклоном:

– Ваше высочество уже там. Только не желаете признавать это. И частенько ведете себя весьма... компрометирующе. Ну, по некоторым сведениям.

– Задаю новые стандарты, – буркнул я.

– Ваше высочество?

– Когда-то, – пояснил я, – все будут работать, а не таскаться огромной свитой за государем по любому поводу.

Он ужаснулся:

– Такой ужасный мир невозможен, ваше высочество!..

– Увы, – сказал я, – он придет, но вы не увиливайте насчет принцессы. Передайте своему императору, что ждем либо кортежа для принцессы, либо подробную карту безопасного маршрута, по которому сами отвезем императорскую дочь в ее империю. Плату не возьмем, обещаю!.. А то еще не примете ее.

Он повторил задумчиво:

– Карту безопасного маршрута...

– Ладно-ладно, – сказал я нервно, – обойдемся, а то уже вижу, что вы думаете, подозрительные вы мои... Просто укажите, куда доставить принцессу.

Он сказал несколько смущенно:

– Это не подозрительность, ваше высочество, а предусмотрительность. Любой государь заколеблется, прежде чем вручать другому государю подробную карту безопасного маршрута в свои земли... С вашего позволения я отбуду сегодня же.

– Не смею задерживать, – сказал я с облегчением.

Он сказал с поклоном:

– Только перед отбытием я просил бы разрешения встретиться с принцессой.

– Да ради бога, – сказал я, – сколько угодно. Может быть, она согласится поехать прямо с вами? Мужчина вы вполне видный...

Он сказал поспешно:

– Принцессы не могут путешествовать с мужчинами, ваше высочество! Разве что с очень большим эскортом.

– Принцесса сейчас в своих апартаментах, – сказал я кисло. – Можете к ней прямо шас...

– Я не смею без предварительной договоренности, – предупредил он, – и заранее назначенной даты.

– У нас все проще, – ответил я, – но если хотите, впереди побежит слуга и будет предупреждать, что вы идете к принцессе. Велю кричать громко, чтобы принцесса услышала заранее и задолго до.

Он остановился, взглянул с вопросом в глазах.

– Задолго до чего?

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Думаете, я был хоть раз в ее покоях?

Он посмотрел изумленно.

– Что... ее высочество ни разу не дала вам аудиенции?

– Ни разу, – ответил я, умолчав, что не напрашивался, но голосом на всякий случай постарался подчеркнуть горькую обиду. Так, на всякий случай, вдруг и пригодится, обиженному разрешается и прощается больше. – Вот так-то!

– Странно, – проговорил он в задумчивости, – это странно. Простите, ваше высочество, я с вашего позволения...

– Идите-идите, – ответил я великодушно. – В спину не вдарю.

Едва за ним закрылась дверь в коридор, из соседней комнатки вышел со свитками в руках Альбрехт.

– Хотите взглянуть?.. Король здесь еще тот жук. Вежлив, обходителен, но, думаю, отец его возглавлял гильдию торговцев. Лыстит, говорит любезности, но всячески выговаривает выгодные условия союза с нашим... гм... объединением.

Я фыркнул:

– А этот союз нам нужен?

– Если только так, – ответил Альбрехт, – на всякий случай. Но король полагает, что целью всей нашей жизни было захватить Сакрант и вторгнуться в Генгаузгуз.

– Разубеждать особенно не стоит, – посоветовал я. – Просто пусть помнит о соотношении сил. Где сейчас Мунтвиг, никто не знает. У него оставались еще некоторые земли, где можно наскрести народу на две-три армии, но после захвата Генгаузгуза многие союзники наверняка вспомнили насчет шкуры неубитого медведя.

– Ядро останется, – предостерег он.

– Конечно, – согласился я, – фанатики не отступятся. К счастью, апостольская церковь наименее фанатичная из всех церквей. Не знаю даже, чем Мунтвиг сумел их зажечь.

– Думаете, они сейчас в сомнениях?

– Кто уже не отступился от Мунтвига, – ответил я, – тот сейчас проверяет каждое его слово. А это значит, монолит растрескался. Будем надеяться, развалится сам. Сомнение в истинности веры – уже поражение.

– А не развалится, – сказал он бодро, – ударим молотом! Или тараном. Иначе зачем вы так старательно и, надо признать, умело создавали армию?.. Кстати, ваше высочество, у меня появилось серьезное подозрение насчет Аскланделлы...

– Давайте, граф, – сказал я с живостью. – Насчет Аскланделлы приму любые подозрения.

– У меня зародилась мысль, – сказал он почти шепотом, – нет, догадка, почему именно принцесса так настаивает, чтобы вы приняли королевскую корону!

– Ну-ну?

Он огляделся по сторонам, подбежал к двери, приложил ухо и послушал там так долго, что я едва не швырнул в него креслом, наконец вернулся и сообщил:

– Ваше высочество... она просто не хочет выходить замуж за принца! Пусть даже коронного!

Я поперхнулся, готовый выслушивать любые обвинения в кровавом заговоре с целью захвата власти и умерщвления всех несогласных, повернулся к нему, медленно наливаясь белой яростью.

– Что-о?

Он отпрыгнул в испуге.

– Полагаю, ваше высочество, она права. Это будет ущемлением ее достоинства. Она не просто дочь короля, она дочь императора!.. Настоящего, потомственного, у которого и отец был императором, и дед, и прадед...

Я прошипел люто:

– И что вы предлагаете, сэр...

Он отступил поспешно, выставил перед собой ладони.

– Ваше высочество!.. Это не только мое мнение. Это же в общих интересах. Вы сами как-то милостиво и мудро брякнули, что личная жизнь государя принадлежит не ему, а всему королевству.

Я стиснул кулаки, но Альбрехт смотрит с таким видом, словно я и в самом деле мудрый. Я выдохнул весь жар или хотя бы половину, сказал медленно, пусть и сквозь зубы:

– Все верно, граф. Моя жизнь, мои мечты, мои усилия принадлежат... нет, не королевству, это же мелочи, теперь видим!.. а тому прекрасному, что строим в этом грешном и лживом мире. Но как строить, определяют не те, кто руководствуется древними традициями и старыми нормами... Новому миру – новые правила!

Он неохотно кивнул.

– Ваше высочество... я все понял.

– Идите, – разрешил я и добавил милостиво: – И не грешите.

По-моему, эти слова я где-то слышал или кто-то их говорил, но это неважно, все хорошие слова и поступки – мои, а нехорошие – моих противников.

Глава 10

Клемент ввалился медленный и величавый, как слон, он ускоряется лишь в битвах, да еще в походах быстр, а на отдыхе всегда царственно ленив и важен.

– Север, – сказал он и звучно зевнул, – мне раньше казалось, чем дальше на север, тем нравы чище...

Я спросил с интересом:

– А что изменило взгляды?

– Привычные интриги, – ответил он и, подавив новый зев, сказал равнодушно: – Уже от двоих было осторожное прощупывание нашего отношения к своему лорду. Дескать, не слишком ли он много захватывает власти в свои загребушие...

– Так и сказали?

– Нет, – пояснил он, – загребушие, это я от себя, мы же все знаем, у кого они самые загребистые! Он сказал чуть иначе, но суть в том, что все просвещенные и мудрые государи всегда советуются с лордами. Более того, даже ведомы ими, ибо две головы всегда лучше одной, а три так и вообще...

Я поинтересовался без особого интереса:

– А кто начал этот разговор?

Он пожал плечами.

– Не то граф Тенген, не то барон Руппин. Разница между ними была меньше часа. Думаю, они не сговаривались. Просто это самое простое в придворной интриге... Какие-то меры примете?

– Никаких, – ответил я. – Интриги... это всего лишь разговоры.

– Опасные.

– Смотря в каких условиях.

Он посмотрел очень внимательно поверх фужера с вином.

– А что у нас за особые?

– Еще не знаю, – ответил я, – просто чувствую, мы свое дело выполнили. А в этих условиях вообще-то правильные попытки местных интриганов вбить клин между мною и моими соратниками... бесполезны. Мы уйдем отсюда раньше.

В дверь заглянул Зигфрид.

– К вам посол. Тот самый.

Я кивнул.

– Впусти.

Альбрехт ухватил Клемента за руку и потащил за собой.

– Пойдемте, герцог, я покажу вам некоторые новые экономические модели, вам понравится...

Дональд Дарси вошел быстро, поклонился.

– Сэр Дональд, – сказал я.

– Ваше высочество...

– Надеюсь, – сказал я, – общение с ее высочеством Аскланделлой прошло успешно?

– Благодарю вас, ваше высочество.

– Сэр Дональд, – сказал я внезапно, – а много у императора таких, как вы?

– Ваше высочество?

– Вы прекрасно поняли, – укорил я. – Империя Вильгельма, как я уже знаю от его дочери, находится в достаточной изоляции. Ни туда не ввести войска, ни оттуда нельзя двинуться победным маршем. Остается только развивать вот такой способ перемещения... Вы не станете утверждать, что вы один-единственный?

Он помолчал, глядя мне в глаза, я видел, как подбирает ответ, а когда заговорил, голос звучал уверенно и с надлежащей долей искренности:

– Ваше высочество, подобные перемещения требуют не только огромных затрат, но и крепчайшего здоровья... а также полного доверия его императорского величества.

– Об этом догадываюсь, – сказал я.

– Последнее особенно важно, – сказал он. – А доверяем обычно легко, если дело касается мелочей. Даже когда говорим, что доверяем жизнь... но что наша жизнь, разве большая ценность?... Интересы империи во сто крат важнее, а таким доверием император не разбрасывается...

Я слушал, внимательно следил за его лицом, мимикой, жестами, наконец проговорил:

– Сэр Дональд, вы в самом деле в родстве с императором?

Он запнулся, посмотрел на меня расширенными глазами и достаточно оторопело.

– Ваше высочество?

– И в достаточно близком родстве, – сказал я с нажимом.

Он поперхнулся, сглотнул ком в горле и сказал с усилием:

– Ваше высочество... я не стану ни возражать, ни подтверждать ваши слова, как вы понимаете сами... только замечу, ваше предположение лишь подтверждает, у императора просто не могут быть десятки людей, перемещающихся... нетрадиционными способами.

Я создал кубок с вином, сунул ему в ладонь.

– Пейте, это не яд. Эти нетрадиционные, гм, весьма осуждаемы церковью, потому приходится таиться, понимаю. Значит, империя Вильгельма совершенно не играет роли в регионе?

Он сделал глоток, взглянул на меня поверх края кубка и произнес осторожно:

– Только как некий сдерживающий фактор.

– Сэр Дональд?

Он пояснил, осторожно подбирая слова:

– Чужая армия не может вторгнуться к нам, однако мы можем вывести через контролируемый нами проход достаточное войско, что решит исход битвы между местными лордами и даже между королями. Конечно, мы так не делаем, нас изоляция вполне устраивает, никто не желает перебираться на ту сторону...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.